

Последние годы жизни св. апостола Павла протоиерей Николай Орлов

Первые римские узы и причины их продолжительности

Призванный Господом Богом быть свидетелем пред всеми народами земли и признанный в таком назначении последователями И. Христа (Деян.13:2–3; 14:26), ап. Павел с удивительной ревностью и поразительно блестящими успехами уже пронес свое благовестие по городам Малой Азии и Балканского полуострова во время своих первых трех путешествий, о которых нам повествует книга «Деяний Апостольских». Ему оставалось теперь перенести свою проповедническую деятельность еще далее от начала возникновения христианства, – города Иерусалима. И он, руководимый промыслом Божиим, чувствовал, что ему надлежит отправиться с той же самой проповедью в Рим, столицу великой Римской империи, а оттуда перейти и в Испанию (Рим.15:25). Он сознавал необходимость этого путешествия и писал о нем в своем «Послании к римлянам», но не знал определенно, когда и при каких обстоятельствах ему удастся осуществить это его намерение. Ранее он предполагал, что прибудет в Рим свободным миссионером в сопровождении своих спутников и учеников, подобно тому как он совершал свои ранншии миссионерские путешествия.

Но это желание и предположение хотя и осуществилось, однако совершенно при других, условиях. – По проискам иерусалимских иудеев он в продолжении уже двух лет был в темничном заключении в городе Кесарии. За это время он потерял надежду на освобождение и на возможность свободного путешествия из одной местности в другую. Обстоятельства складывались таким образом, что заставляли думать о другом способе исполнения своего давнишнего желания посетить Рим и Испанию.

Положим, он был узником, оковы висели на его руках и ногах, и темничные стражи зорко наблюдали за всеми его действиями. Но он верил, что для слова Божия не может быть уз; и неудобства жизни проповедника еще не составляют

решительных препятствий для самого дела проповеди. Притом же он был ободрен в этом отношении самим Господом, – «Дерзай, Павел, говорил ему Господь, явившийся в иерусалимской крепости, дерзай, ибо как ты свидетельствовал, о Мне в Иерусалиме, так, надлежит тебе свидетельствовать и в Риме» (Деян. 23:11). По этому следует думать, что решимость отправиться в Рим, в качестве узника созрела у ап. Павла постепенно в продолжении его темничного заключения. Только при условии его требования апелляционного суда у римского императора он мог наверное рассчитывать попасть в Рим, хотя бы и узником, а в дальнейшем он ожидал руководства Божьего. И его речь перед Фестом, которую он произнес при своем допросе, с его стороны была таким образом выражением постепенно, но твердо, созревшего решения. Когда проконсул Фест приступил к предварительному ознакомлению с делом ап. Павла и, выслушав все обвинения на него со стороны иудеев, предложил ему для окончательного судопроизводства отправиться из Кесарии в Иерусалим, то апостол совершенно сознательно и обдуманно сказал ему: «Я стою перед судом кесаревым, где и следует быть судимым. Иудеев я ничем, не обидел как и ты хорошо знаешь. Ибо если я не прав и сделал что-либо достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет, в чем сии меня обвиняют, то никто не может выдать меня им. Требую суда кесарева (Деян. 25:10–11) Тогда Фест, поговорив со, своим советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься» (Деян. 25:12). Требование ап. Павла суда кесарева было равносильно требованию перенести все судопроизводство в Рим на волю и решение самого римского императора. Так отнесся и Фест к этому апостольскому требованию, и таким образом, путешествие ап. Павла в Рим с этого времени было вполне обеспечено. Оно действительно и совершилось, по повествованию «Деяний», вскоре же после предварительного судебного разбирательства в том же 60-м году, захватив и начало 61-го года.

Согласно с заявленной апелляцией прибывший в Рим ап. Павел должен был предстать на суд к самому императору, – так

полагалось по действующим законам Римской империи. Дело ап. Павла должно было быть снова пересмотрено самим императором с его государственным советом. Но императоры не всегда имели желание и возможность сами лично рассматривать дела по всем апелляциям. Очень часто случалось, что рассмотрение апелляции передавалось не в государственный императорский совет, а сенату, префекту претории или префекту города. Так случилось и с делом ап. Павла. Оно не попало в руки самого императора, а потому и не могло быть решено вскоре. Как можно заключать на основании повествования «Деяний», дело ап. Павла было передано префекту претория, которым в то время был Бурр, человек честный и справедливый. Сам по себе он вероятно скоро бы решил дело ап. Павла, и великий миссионер скоро бы получил желаемую свободу, но обстоятельства того времени совершенно не благоприятствовали правильному и быстрому судопроизводству. Бурр в это время заведовал не только военным делом г. Рим но и вместе с Сенекой был приближенным советником императора Нерона. Таким образом на них двоих лежал весь ход государственного управления, а кроме того они должны были считаться и со всеми проявлениями безрассудства жестокого и развратного императора. Бурру решительно некогда было обратить свое внимание на ап. Павла, бедного и незнатного иудейского узника; у него ежедневно были на очереди более неотложные дела государственной важности или важности вследствие их отношения к личности императора.

То приготавливались к убийству матери императора Агрипины, а когда матереубийство было совершено Аплустом, начались безумства Нерона в других областях: в области пиршеств, цирковых представлений и музыкальных артистических состязаний, в которых император хотел первенствовать и получать венки и похвалы.

Поэтому префект Бурр передал дело ап. Павла другому префекту, префекту города которым в то время был Педаиний Секунд (Тац.14:53). Это более соответствует и делу ап. Павла, обвиняемого скорее всего в нарушении общественного

спокойствия своей религиозной проповедью, чем в каком-либо уголовном или дисциплинарно-военном преступлении. С таким предположением вполне согласуется и, по видимому, случайное дополнительное замечание Деяписателя, что сотник других узников прибывших в Рим вместе с ап. Павлом передал военачальнику, а самому апостолу позволил жить особенно вместе с воином стерегущим его (Деян. 28:16). И ап. Павел, как об этом повествует Деяписатель, поместился не в преторианских казармах, а в городской гостинице, так что иудеи, желавшие вести с ним религиозные беседы, в назначенный день свободно пришли к нему; и он до вечера излагал им учение о царствии Божием (Деян.28:23). – Только при допущении назначения дела ап. Павла к слушанию и разбирательству у префекта города возможно объяснение той свободы, которой пользовался апостол во все два года своих римских уз, живя на своем собственном иждивении и принимая всех приходивших к нему.

Почему же, в таком случае, дело ап. Павла не получало так долго окончательного разрешения? – Причиной этого было следующее. Первое это то, что для – судопроизводства по делу ап. Павла, как и по всякому делу, согласно с требованиями римского судебного права, требовалось собрать все показания со стороны обвиняемого и его обвинителей. Обвиняемый, ап. Павел, был на лицо; он мог дать все нужные объяснения и показания. Но приходилось ждать дачи показаний со стороны его обвинителей иудеев. Как видно из повествования «Деяний», когда ап. Павел после своего продолжительного морского путешествия прибыл наконец в Рим, здесь от римских иудеев он узнает, что те решительно ничего не знают ни о нем, ни о его деле, по которому он прибыл в Рим. Значит, обвинители апостола еще не успели прибыть из Иерусалима, – иначе они давно бы постарались настроить иудеев столицы против апостола языков, ухудшить его положение и воспрепятствовать делу его проповеди. Но, конечно, это замедление не могло продолжаться долго. Ревность иудеев к их религии и злоба против ап. Павла вероятно побудили и их поскорее прибыть в Рим и покончить здесь с ненавистным им проповедником

христианства. Впрочем и их прибытие не составляло всего в судопроизводстве апостола. Достаточность их улик против апостола должна была послужить поводом к произнесению обвинительного приговора, а недостаточность – побудить судей решить дело в благоприятном для апостола смысле или же, по требованию обвинителей, отложить окончательное решение до будущего. Это последнее и случилось. Не достигнув своей цели, – смертного приговора над апостолом, иудеи потребовали отложить окончательное решение на некоторое время, в которое они надеялись усилить свои обвинения. А может быть они рассчитывали на действие подкупа. Этим последним средством иудеи никогда не пренебрегали, не могли они упустить его из виду и в данном процессе. И это казалось им тем более возможным, что должность городского префекта занимал тогда Педаиний Секунд, человек не отличавшийся особенной честностью и доступный подкупу. Так по крайней мере дает право судить о личности Педаиния Секунда историк Тацит (Тац.14:42). Но почему в таком случае иудеи пользуясь подкупностью префекта, не добились совершенного осуждения апостола языков? – Этому могло воспрепятствовать с одной стороны бессовестность Педаиния Секунда, с другой сущность процесса апостола Павла. Педаиний Секунд брал взятки с иудеев и однако не считал себя обязанным исполнять их требования. Он полагал достаточным и того, что продолжал держать в заключении ненавистного им человека и думал и еще поживиться за их счет. К тому же, получив от Феста очень благоприятный отзыв об ап. Павле, он не мог решить порученное ему дело обвинением этого последнего. Ап. Павел мало того что представлялся Педаинию Секунду совершенно правым и не заслуживающим наказания по недоказанности обвинений, но, как римский гражданин, даже мог рассчитывать на снисхождение. Из практики римского судопроизводства нам хорошо известно, что римская правительственная и судебная власть очень редко поступалась привилегированными членами государства, и только лишь особенно вопиющие преступления заставляли произносить обвинительные приговоры против тех или других из них. А ап. Павел с его правом римского

гражданства несомненно и должен был казаться заслуживающим снисхождения в сравнении с его обвинителями – простыми палестинскими иудеями.

Освобождение из уз ап. Павла

Однако апостолу языков пришлось бы долго еще ждать окончательного решения по своему делу, если бы не произошло перемены в представителях судебной власти. – В середине 62-го года, – так следует полагать по сказанию Тацитовы летописи, – Педаиний Секунд был убит своим рабом. На его место было назначено другое лицо, и в ходе судебного процесса ап. Павла должна была наступить перемена. Перемена эта действительно наступила и при том к лучшему. Об этом дает нам знать сам ап. Павел в своих посланиях к Филиппийцам и Филимону, которые написаны им, около середины 62-го года. – Первоначально весть о смерти Педаиния Секунда не должна была особенно обрадовать апостола Павла. Нельзя было предаваться радостной надежде только вследствие простой смены одного должностного лица другим. И другое могло быть таким же, каким было первое, и даже еще хуже, еще более несправедливым. Ап. Павла в его положении могло обрадовать и обнадежить лишь более определенное известие о назначении на место Секунда лица известного своей честностью и неподкупностью. И должно быть апостол в своем заключении получил известие именно такого рода. Когда он услышал об этом от своих друзей и последователей, то душа его исполнилась радостной надеждой. Ему вспомнилась тогда основанная им христианская община; пришли ему на память те беды, опасности и испытания, которым подвергались эти еще не окрепшие в христианской догматике и нравственности общества; и у него тотчас же появилась мысль, как только он освободится из римских уз, то тогда же предпримет путешествие туда, где так нуждались в его личном присутствии. И он сейчас же пишет своим щедрым и возлюбленным филиппийцам: «я верно знаю, что останусь живым и пребуду со всеми вами для вашего успеха и назидания в вере, дабы похвала ваша во Христе Иисусе умножалась чрез меня при моем вторичном к вам пришествии» (Флп.1:25,26).

Здесь пока высказывается простое ожидание, личная надежда апостола. По видимому у самого ап. Павла не было твердых и верных фактов, подтверждавших эту надежду на освобождение. Но они нашлись, когда он писал свое послание к Филимону. Вероятно к этому времени новый префект успел заявить себя с хорошей стороны; может быть уже происходило судебное разбирательство пред этим новым судьей; и ап. Павел вынес благоприятное впечатление из зала суда. По крайней мере в послании к Филимону он высказывает не только надежду на освобождение, но и свое прямое намерение перезимовать в совершенно другой, чем Рим, местности. Он пишет Филимону: «приготовь для меня помещение; ибо надеюсь, что по молитвам вашим я буду дарован вам» (Флп.1:22).

Все-таки и при таком положении вещей было трудно рассчитывать на скорое освобождение. Обстоятельства того времени были такого рода, что заставили забывать о незначительном деле иудейского узника. В конце 62-го или в начале 63-го года произошла загадочная смерть префекта Бурра. Его место заняли Фелий Руф и Софоний Тигеллин; из которых последний, по отзыву Тацита, имел особенное влияние на императора Нерона, как соучастник самых тайных его наслаждений, и отличался крайним бесстыдством и безнравственностью (Тац.14:53). Вместе с тем поколебалось положение благородного философа Сенеки и прекратилось его благотворное влияние на Нерона; тогда же произошло удаление первой супруги Нерона Октавии и её насильственная смерть, за которой последовала его женитьба на развратной Пoppее бывшей виновницей многих казней и ссылок. Все это представляло слишком много препятствий для правильного хода государственного управления и судопроизводства; и ап. Павлу, может быть, еще долго пришлось бы ждать осуществления своей надежды и своих обещаний.

Но к этому времени, в начале 63-го года, произошло одно событие, которое имело решительное Нерона влияние на дальнейшую судьбу ап. Павла, – именно рождение дочери от супруги Пoppей. По известию Тацита, Нерон был очень рад этому событию и предписал блестящие торжества и

празднества (Тац.15:23). Вполне естественно ожидать, что подобного рода торжества не прошли бесследно для узников Рима и в частности для ап. Павла. Судьи также хотели чем-нибудь ознаменовать свою радость по поводу рождения царской дочери. Этим способом они не только могли выразить свое действительное душевное настроение, но и поддаться под общее настроение и тем самым выставить себя пред высшим начальством и императором. Поэтому судопроизводство того времени сделалось более снисходительным, а в некоторых случаях высшие начальники и без суда оправдывали заключенных и отпускали их на свободу. Такое действие римской власти вполне было возможно по отношению к ап. Павлу. Он был по рождению римский гражданин, его преступление было совершенно непонятно для безрелигиозных римлян того времени, и его узы продолжались не более как по недоразумению и по могущественному действию иудейских подкупов. Это последнее обстоятельство было не безизвестно новому префекту города и он, отличая ап. Павла от других порученных ему узников, отпустил его на свободу, не дожидаясь пока иудеи сами оставят его в покое.

Это освобождение произошло как нельзя во время. – Если бы ап. Павел не был освобожден в начале 63-го года, то едва ли он успел освободиться после: его пребывание в римских узах, по всей вероятности, окончилось бы смертью. – В этом, именно, году прибыл в Рим Иосиф Флавий. В его биографии мы читаем: «на 26-м году жизни случилось мне быть в Риме... Поселившись в городе Диксархии, который италийцы называют ПUTEОЛАМИ, я вошел в дружбу к АЛИТУРУ. Это был комедиант, родом иудеи, бывший в великой милости у Нерона. И, сделавшись чрез него хорошо известным кесаревой супруге ПОППЕЕ, прежде всего я постарался своими просьбами к ней исходатайствовать освобождение иудейским священникам. А получив от нее кроме сей милости великие дары, возвратился в свое отечество» (Жизн. Иос. Флав. 3). – Как видно, в это, описываемое И. Флавием, время иудеи снова приобрели возможность воздействовать на распоряжения римской власти через Поппею, чего не было несколько ранее. Теперь те самые

священники, которые были освобождены по просьбе Иосифа, могли бы настаивать на казни ап. Павла, если бы он еще не был освобожден до того времени. Но Бог хранил своего ревностного миссионера, – к этому времени он был уже освобожден от уз, и по своему желанию мог выбыть из Рима и предпринять новое путешествие для распространения и укрепления евангельского благовестия среди человеческого рода.

И апостол не медлил своим отбытием из Рима. Кроме того, что ему могла грозить здесь опасность нового тюремного заключения, его влекло отсюда и желание видеть своих чад по вере во Христа. Его поспешное отбытие из Рима тем более очевидно, что и для него самого была совершенно ясна бесполезность его дальнейшего пребывания здесь. Настроение жителей города Рима, начиная с главы государства и кончая беднейшим пролетариатом, было решительно неподходящим к выслушиванию и восприятию апостольской проповеди о покаянии и самоисправлении. Постоянные празднества, постоянные цирковые зрелища, публичные повсеместные молебствия и жертвоприношения, о которых говорит Тацит, должны были заглушать тихую проповедь христианства. И самое лучшее, что мог сделать ап. Павел, так это – благоразумно удалиться на время из того нового потерявшего и ум, и сердце Вавилона в другие более благоприятные для проповеди места, удалиться с намерением снова прибыть сюда, когда здесь сколько-нибудь поутихнут радостные народные неистовства или, по крайней мере, человеческие души настолько пресытятся ими, что станут доступны другому противоположному влиянию. – Так ап. Павел тотчас же после своего освобождения, т. е. ранней весной 63-го года, выбыл из Рима.

Выбыв из Рима

Куда же и с кем направился великий миссионер, вновь почувствовав себя свободным, увидя снова полную возможность свободно располагать своими действиями? Куда? – разумеется на восток от Рима, туда, куда прибыть он обещался в своих посланиях, и куда его влекло желание видеть своих духовных чад.

Он распростился с римскими христианами, сел в остийской гавани на корабль и, по Тиренскому морю, мимо берегов Италии, направился почти по тому же самому пути, по которому он прибыл сюда. Только теперь была существенная разница в его положении. Тогда он ехал из своей родной страны, ехал из тех мест, где он успел уже много потрудиться, ехал притом узником в сопровождении стражи воинов, и, вероятно только с двумя спутниками-сотрудниками: Аристархом и Лукой. Теперь он ехал из вожделенного прежде Рима, ехал на свой родной восток, в местности ему более или менее известные, ехал совершенно свободным, – не в сопровождении воинов, но вместе с дорогими и близкими лицами, которые также, как и он, радовались наступившей свободе, радовались предстоящей свободной миссионерской деятельности, радовались будущему свиданию с родными и знакомыми.

Кто были эти спутники ап. Павла? Можно думать, что ими были все те апостольские спутники, которые, прибыв с востока в Рим, находились здесь вместе с апостолом в последнее время его узнического пребывания. А из послания к Филимону мы узнаем, что с ап. Павлом при написании им этого послания были Епафрас, Марк, Аристарх, Димас и Лука (ст. 23). Каждый из этих апостольских сотрудников имел более или менее сильное желание побывать на востоке и те или другие побуждения и причины для выполнения этого желания. Потому они рады были случаю и с большой охотой сделались спутниками апостола, своего друга и наставника. Но были-ли среди этих спутников Тимофей и Тит? Несомненно были и они вместе с апостолом. Они были самыми любимыми, полезными

и деятельными его сотрудниками, и он разлучался с ними только в крайней нужде. С Титом он расстался только лишь тогда, когда нужно было оставить его в Крите, где нужен был мудрый руководитель и твердый устроитель вновь основанной, но еще несовершенной, церкви. Тимофея же ап. Павел только лишь после оставил в Ефесе, сделав его епископом этого города христиане которого, живя в большом торговом языческом городе, нуждались всегда в особенно строгом наблюдении за правильным развитием их внутренней христианской жизни.

Итак, общество христианских проповедников, отправившихся из Рима на восток, состояло из самого апостола и его семи сотрудников.

Посещение о. Крита

Какие же местности намеревался посетить освобожденный апостол? Не думал-ли он посетить Иерусалим, эту колыбель христианства? Сюда он когда-то спешил, возвращаясь из своего третьего миссионерского путешествия, сюда заходил он после второго и после первого. Может быть и теперь после пребывания в Риме, после выполнения своего давнего желания проповедовать в этом многолюдном городе, он также решил посетить славный Иерусалим, зайти в нем в храм Божий, вознести здесь благодарственные Господу Богу молитвы и посмотреть здесь все те места, которые были освящены пребыванием самого Иисуса Христа во время Его земной жизни. – Может быть это желание и было у апостола, только ему не суждено было осуществиться.

На этом пути на восток путешественникам пришлось проезжать мимо о. Крита. Ап. Павел вспомнил о своем кратковременном, бывшем два года тому назад, пребывании в одной из его гаваней по случаю кораблекрушения, вспомнил и о своем сильном тогдашнем желании, сойти на его берег, побыть подольше среди его жителей и заняться просвещением их светом христианской истины. Но в то время его желанию было не суждено осуществиться; он был тогда подневольным узником и обязан был следовать туда, куда повлекут его приставленные к нему воины. А сотник Юлий, вместе с начальником корабля решили выплыть из этой гавани, в которую их занесла буря, и поискать другой более удобной; но буря помешала этому их, намерению, и корабль попал на отдаленный от Крита о. Мелит (Деян.27).

Вот теперь апостол снова проезжает мимо того же Крита. Теперь он был свободен располагать своими действиями, и мог высадиться на берег, если ему было это желательно. Но можно-ли сомневаться в этом желании апостола, можно-ли предполагать, чтобы ревностный апостол языков проехал мимо большого и густо населенного острова и не пожелал, и не попытался, и его жителей просветить своей проповедью, зная,

что здесь еще никем не было проповедуемо имя Христово? – Нет! Апостол должен был вместе с своими спутниками высадиться на интересовавший его и ранее о. Крит.

Кроме того вполне возможно, что корабль, на котором ехал ап. Павел, имел нужду заехать в какую-либо гавань Крита по своим торговым делам и независимо от желания своих пассажиров. – Между знаменитыми и богатыми городами северного берега Крита, снабженными удобными гаванями, был г. Кидония, нынешняя Кания. К ее то гавани, проехавши мимо мысов Корики и Исака, и пристал корабль ап. Павла. Еще не высаживаясь на берег путники могли любоваться живописной природой острова, красивыми видами гор, особенно возвышавшейся над всеми другими горы Иды, понынешнему Псиларитиса, привлекательной панорамой небольших речек, часто прорезывающих остров по направлению к морскому берегу, и украшенных то подступающими к их берегам лесами, то расстилавшимися городами и селениями. В самой гавани и особенно в городе высадившихся путников ожидали толкотня и шум обширной торговли и говор многочисленной толпы, состоявшей из людей разных племен и народностей. Куда было деться впервые прибывшим проповедникам христианства? Где на первый раз остановиться для отдыха, к кому обратиться за первыми необходимыми сведениями об острове, о том городе, о его жителях и о их интересах?

Если из спутников ап. Павла были такие, которым ранее пришлось побывать на острове, у которых могли быть, таким образом, знакомства, то положение проповедников значительно облегчалось. Но если этого и не было, если все спутники апостола только впервые заявили на тот языческий остров, то и тогда они не были лишены всех руководств в своем новом положении. – Во всяком случае на о. Крит были иудеи рассеянные, были даже и прозелиты. По крайней мере в кн. «Деяний» мы находим упоминание о критянах, посещавших Иерусалим во времена праздничных религиозных иудейских торжеств (Деян.2:11). К этим-то иудеям и прозелитам, как к своим соплеменникам и единоверцам и мог обратиться ап. Павел.

Ему уже не первый раз приходилось быть в таком положении, и не в первый раз он был вынуждаем отыскивать своих единоплеменников; его прошедшая миссионерская практика была богата подобными случаями, и он уже узнал, как нужно было поступать ему. – Ап. Павел, приходя в новый, еще незнакомый ему, город, по известью Луки, обыкновенно заявлялся к иудеям и, если было можно, то прямо в синагогу. Но этого последнего можно и не предполагать по отношению к посещению ап. Павлом о. Крита. Ап. Павел к этому времени уже окончательно убедился, что иудеи своим упорством, своим противлением проповеди христианства лишили себя того права, признавая которое, апостол прежде обращался сначала к ним, а потом уже к язычникам. Умудренный опытом, он теперь с большей надеждой на успех обращался к прозелитам иудаизма; они всегда оказывались более доступными христианской проповеди. Поэтому, прибывши в г. Кандию, апостол вместе с своими спутниками поместился в какой-либо общественной гостинице, которых должно быть немало в этом греческом торговом городе. Отсюда он мог навести справки, здесь же он даже мог начать и свои проповеднические труды. А так как с необходимостью нужно предполагать, что на о. Крите христианство к этому времени было небезызвестно, то в лице этих первохристиан апостол нашел как-бы переходную ступень к общей массе тамошних жителей. Таким образом апостольская проповедь о христианских истинах, имела первых своих слушателей среди тех иудеев, или прозелитов-греков, которые удостоились слышать и кое-что воспринять из новой христианской религии в самой Палестине или от самих апостолов или от их учеников и последователей. Их христианские понятия были не полны, их познания неясны и благодатные дары христианских таинств не могли быть получены ими во всей полноте. Поэтому надлежало первее всего заняться довершением их христианского религиозного просвещения и преподать им христианские таинства. Пример такой постепенности в раскрытии апостольской проповеди мы можем наблюдать, по повествованию кн. «Деяний», на проповеднической деятельности св. ап. Павла в Ефесе, где он,

найдя некоторых учеников, крещеных крещением Иоанновым, начал ее именно с того, что, крестив их крещением христианским, возложил на них руки для сообщения даров Святого Духа. Как в Ефесе, так, вероятно, и в Кидонии дальнейшие свои действия апостол сообразовал с теми сведениями, которые могли сообщить ему киндские первохристиане. Через них апостол мог ознакомиться с положением города и с характером его народонаселения, что для него было вполне необходимо. Он осмотрел все языческие храмы, побывал на рынках и торжищах, заходил и в общественные суды. Благодаря этим посещениям и расспросам он узнал о характере и нравах жителей, о их племенном составе, о их религии и общественных обычаях, и т. п. И в уме апостола постепенно создавался образ критянина, которому он должен был проповедовать евангелие. Со времени обращения о. Крита в римскую провинцию его жители опустились нравственно и приобрели дурную славу лжецов и обманщиков.

Поэтому ап. Павлу при проповеди христианских истин приходилось бороться не только с прежними религиозными языческими убеждениями, но и с самой испорченностью человеческой природы. Языческая религия критян, ослабленная знакомством с другими религиями и увлечением практическими жизненными интересами и погоней за удовольствиями, не могла быть особенно сильным препятствием распространению христианства.

Более сильное и почти единственное препятствие составляла та испорченность критского общества, которая была поразительна даже и в то безнравственное и беспринципное время. В города Крита стекалось все худое из Европы, Азии и Африки и находило благоприятную почву для своего дальнейшего развития.

Превосходный здоровый климат, обилие плодовых деревьев всякого рода, плодородие почвы, наконец, выгодная торговля, все это было причиной развития среди критян особенной чувственности. Сам ап. Павел, вообще кроткий и снисходительный к порокам и недостаткам людей и терпимый к их заблуждениям, готовый всегда прощать им слабости их

немошной человеческой природы, произносит очень суровый приговор о нравственном достоинстве критян. Именно, когда ему пришлось впоследствии писать о них Титу, и когда ему припоминалось все то зло, с которым ему самому нужно было бороться на о. Крите, он советует своему ученику строго обличать критян, чтобы они здоровы были в вере; и это потому, что критяне по своему внутреннему состоянию и душевному настроению совершенно особенные люди: они всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые (Тит.1:12–13). В деле распространения христианства и водворения христианской нравственности как Титу, так ранее и самому апостолу приходилось прежде всего преодолевать косность природы критянина («утробы ленивые»), возбудить в нем интерес к нуждам его души и подвигнуть его к деятельному отношению к его собственным духовным потребностям. Освобожденный от душевной косности и беспечности, критянин нуждался в помощи и руководстве при исправлении его дурной извращенной природы, воспитанной в эгоизме, плотоугодии и жестокости («злые звери»). За ним нужен был постоянный строгий надзор. Его изолгавшаяся природа, укоренившееся и как бы узаконенное общим обычаем стремление обманывать других, все это требовало самого внимательного отношения к его нравственно-религиозному состоянию. Не возможно было без строгого испытания верить его обращению, его раскаянию и его обещанию оставить свои прежние языческие заблуждения и пороки. И должно быть апостолу не раз приходилось сталкиваться с этой коренной испорченностью критянина. Вероятно среди его обращенцев и даже учеников находились такие которые, после пребывания с апостолом в качестве его учеников и последователей, снова возвращались к своей прежней жизни и её порочности. Этим только и можно объяснить его строгое предписание Титу: «еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден» (Тит.3:10–11). Да и вообще все послание к Титу наполнено осуждением безнравственности критского общества, советами о самом строгом и внимательном отношении ко всякому шагу, ко всякому

делу, как вообще всего критского общества, так и каждого его члена в отдельности. И несмотря на проникающий послание всепрощающий дух апостольской любви, в отдельных местах и выражениях часто слышится как бы некоторое раздражение апостола. – Борясь с общими недостатками критян, ап. Павел для укоренения в них христианских понятий и христианской жизни должен был восставать и против некоторых частных и как бы случайных дурных их качеств и явлений в их жизни. Он замечал, что критяне как язычники, так особенно обращенные в христианство пренебрежительно относились к властям, может быть, считая себя в состоянии управиться сами собой, или предосудительно смотря вообще на все языческое начальство. Таковым он и после писал, чтобы они повиновались и покорялись властям и были готовы на всякое доброе дело. В том же послании к Титу он увещевал их «не злословить, быть несварливыми, но тихими и оказывать всякую кротость ко всем человекам» (Тит.3:1–2).

Если таковы были все граждане о. Крита, то едва ли лучше, а вероятно еще и хуже были низшие члены общества, рабы. Класс рабов на о. Крите должен был быть особенно многочисленным, и состоял не только из привезенных и купленных жителей других стран, но и из туземных коренных жителей острова. Пороки, свойственные высшим классам, были еще в большей степени присущи рабам, но у них, сообразно их особому общественному положению, были и особенные пороки и недостатки. Ап. Павел, как проповедник всеобъемлющей христианской религии, обращаясь с проповедью и к этому классу общества, должен был прибегать к особым мерам и особым способами воздействия. Трудность такого приспособления не устрасила проповедника; и в свою бытность на Крите он приобрел много членов для христианской церкви и из среды этих угнетенных и обездоленных рабов. О них он вспомнил и в своем послании к Титу, вспомнил и о тех недостатках, которыми особенно страдала их приниженная среда. «Тит, пишет апостол, рабов увещевай повиноваться своим господам, угождать им во всем, не красть, но оказывать

добрую верность, дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего Бога» (Тит.2:9–10).

Недолго оставался апостол с своими спутниками в городе Кидонии; местом его деятельности должен был быть весь о. Крит. Поэтому, просветивши в Кидонии светом евангельской истины более или менее значительное число тамошних обитателей, укрепившие и усовершенствовавшие в христианском познании ранее ознакомившихся с христианской богооткровенной религией, и сообщивши им благодатные дары, апостол направился в глубь острова. Здесь он посещал города и местечки и везде хотел принести посильную духовную пользу их обитателям. Но нельзя думать, чтобы он старался захватить как можно большее количество местечек. Нет, он не любил разбрасываться в своей проповеди; он старался обыкновенно, хотя и не в многих пунктах, но более твердо укоренить христианские истины. Он хорошо сознавал, что твердо укоренившаяся в одном месте христианская истина сама потом распространится на более обширное пространство. Потому-то и следует предполагать, что во время своего путешествия по Криту апостол останавливался только в более значительных городах и селениях, пока, переходя из одного города в другой, не прибыл в г. Итан, находившийся уже на самом восточном берегу острова.

Что же теперь нужно было делать апостолу? Идти ли назад по острову, посещая новые города и навещая те, в которых он был и прежде, или же совсем выбыть с Крита? – Обращаясь умственным взором назад, апостол видел много рассеянных по всему пространству острова городских христианских общин. Немногочисленны они были по количеству своих членов, может быть даже не особенно совершенны в христианском познании и в христианской жизни. Что же не снова ли идти к ним самому апостолу и позаботиться об их количественном увеличении и качественном усовершенствовании? – Конечно, ап. Павел не приминул бы возвратиться к своим новым чадам о Христе, если бы этого неизбежно требовало их положение, – но было-ли оно таково? Едва ли. Апостол был на острове во всяком случае не особенно короткое время; был при том не один, но в

сопровождении семи верных и опытных в христианской проповеди сотрудников. Так что нужно ждать, что проповедники переходя из одного места в другое, оставляли в предыдущем христианское общество настолько просвещенное спасительной истиной, что оно было способным к дальнейшему самостоятельному существованию и развитию.

Ап. Павел знал все это, знал также и то, что у него есть и в других странах духовные дети и им учрежденные христианские общины, которые теперь нуждались в его личном руководстве, и которым он ранее еще из Рима писал о своем намерении посетить их. Он вспомнил о малоазийских церквях и о церквях Балканского полуострова, и его любвеобильная душа возгорела желанием быть там и присутствовать в них лично. И он решил немедленно же оставить Крит. Это представлялось тем более возможным для него, что около него были такие люди, которым он мог поручить довершение недоконченного на о. Крите (Тит.1:5). С ним был его любимый ученик, истинный сын по общей вере, Тит; на него он вполне мог положиться в этом трудном деле довершения христианской проповеди. Тит с самого своего обращения сопровождал апостола, участвовал во всех его трудах проповедничества, и мог быть вполне достойным и способным заместителем апостола и авторитетным в деле управления новой критской церковью. Поэтому-то ап. Павел с полной уверенностью в успехе препоручает ему не только довершить недоконченное, но и поставить по всем городам пресвитеров. Сам же апостол ищет в гавани Итана нужный корабль и спешит уехать на нем заблаговременно, пока еще не началось бурное зимнее время и не прекратилась навигация. – Так, оставив на о. Крит Тита своим заместителем, ап. Павел осенью 63-го года отправился далее на восток по средиземному морю в сопровождении оставшихся при нем сотрудников.

Отплытие с о. Крита на восток

Несомненно, отплывши с Крита, ап. Павел имел желание побывать в Иерусалиме, посетить Иерусалимский храм, помолиться в нем Господу Богу. Но чем более приближался он к этому городу, тем очевиднее становилось несбыточным это его желание. Не потому оно было несбыточно, что были какие-либо формальные препятствия для самого вступления его в Иерусалим, но потому, что это вступление было равносильно для апостола обречению себя на верную смерть. Ненависть против него со стороны иудеев была сильна и ранее; теперь она увеличилась еще более после того, как они бесплодно потратили все свои усилия, чтобы обвинить его пред римским судом. Можно даже думать, что уже на о. Крит, не особенно отдаленном от Иерусалима, иудеи дали понять апостолу, чего он может ожидать от них в их отечественном городе, где они пользовались значительным влиянием и даже властью. А события того времени способны были как увеличить смелость иудеев в проявлении их религиозной нестерпимости, так и внушить еще большие опасения самому апостолу. Именно в это время вступил в отправление первосвященнических обязанностей Анан. Иудейский проконсул Фест скончался в 62-м или в начале 63-го года; на его место был назначен Албин, находившийся в то время на должности в Александрии. С прибытием в Палестину он почему-то замедлил, и вся власть управления иудеей фактически сосредоточилась в руках первосвященника Анана. Это тот самый Анан, о котором историк Иосиф Флавий говорил как о человеке особенно строгом и жестоком при отправлении, так как он принадлежал к секте саддукеев (Древ.20:9). И конечно ап. Павлу, бывшему фарисею, пока на первосвященническом престоле был этот саддукей, нельзя было и думать показываться в Иерусалиме: ведь против него, было в таком случае не только то, что он проповедует христианство, но и то, что он по своему происхождению фарисей. Может быть даже, что апостол услышал о том, как поступил первосвященник Анан с братом И.

Христа, Праведным Иаковом: этот последний по приказанию первосвященника был схвачен, обвинен в вере в И. Христа и, сброшенный с кровли храма, был умерщвлен. Подобная же участь могла ожидать и ап. Павла. И это тем более было возможно, что иудеи питали к нему еще большую ненависть, чем к праведному Иакову, которого они все таки глубоко уважали за его строгое исполнение обрядового Моисеева закона.

Взвешивая все это, апостол, надо полагать, с сожалением должен был отказаться от посещения священного Иерусалима, или, по крайней мере, отложить его на некоторое время. Теперь же он мог приехать в какой-либо другой город, не особенно отдаленный от Иерусалима, но вполне обезопасенный от злостной власти иудеев. По этому надо думать, что ап. Павел, отплыв с о. Крита, направился на восток с прямым намерением посетить прежде всего Антиохию Сирийскую, – на это есть прямое указание в апокрифическом произведении, так называемом «Акты Павла и Феклы».

Посещение Антиохии Сирийской

Антиохия – в то время главный город Сирии, и правители страны имели в ней свою резиденцию. Она была основана Селевком Никатором в плодотворной долине р. Оронта, и представляла собой четыре части (тетраполь), которые были окружены одной общей стеной. Этот город пользовался известностью в первые времена христианства; после он стал известен как родина св. Иоанна Златоуста, Ливания и Эвагрия.

В этот город, бывший ему уже хорошо известным, и прибыл теперь ап. Павел. С ним у апостола были связаны самые дорогие воспоминания. Здесь он впервые выступил на проповедь христианства под руководством Варнавы, здесь он видел первые успехи своей проповеднической деятельности, отсюда они вместе с Варнавой были отправлены в свое первое великое миссионерское путешествие, как избранные Самим Богом для просвещения язычников светом христианской истины. Впоследствии ап. Павел при всяком удобном случае заходил в Антиохию, если и не для того исключительно, чтобы потрудиться здесь на утверждение христианской церкви, то для того, чтобы утешиться общением с своими первыми духовными чадами. Подобная же цель могла быть у апостола и в теперешнее посещение им этого города. И это может быть и было главным, что привлекло его сюда, а его намерение перейти отсюда в Иерусалим было более, чем второстепенным побуждением. Это намерение, подорванное ранними слухами об исторических обстоятельствах того времени, по прибытии апостола в Антиохию, должно было быть и совсем оставлено им. Ненависть к нему иудеев оказалась чрезвычайной, а их сила и дерзость возросли до такой степени, что были неожиданны даже и для него самого. Весь народ в Палестине был в страшном возбуждении, везде бродили опасные шайки разбойников; всюду как бы готовилось восстание, и римская власть не находила достаточных мер для обуздания религиозно-патриотического фанатизма иудеев. Этот фанатизм

проявлял себя в очень резкой форме и даже вне пределов собственной Палестины; сама Сирия и ее столица Антиохия не были безопасны от его страшных проявлений.

Силу иудейского фанатизма в Антиохии пришлось испытать на себе и ап. Павлу, и вероятно вскоре же после его прибытия сюда. Перемена в положении вещей была тотчас же замечена апостолом. Если прежде ему устраивали здесь торжественные встречи, если тогда христиане открыто высказывали свою радость при его посещениях, то теперь они побоялись даже выйти к нему навстречу. Он, без приглашения вошел в дом, знакомый ему попрежнему, но в радости хозяина не мог не заметить примеси какой-то робости и сдержанности. Для него, конечно, все это вскоре же объяснилось и стало понятным, – тем более, что и ранее в этом же самом городе ему пришлось обличить даже ап. Петра за его боязливую уступчивость перед требовательностью иудействующих. Но теперь обстоятельства были хуже. Он не только не мог с силой и властью восстать против боязливых и робких, но даже, уступая необходимости, должен был и сам оставить город. Уходя отсюда, он не только устранял особую причину возгоревшей по случаю его прихода сюда фанатической ненависти иудействующих против христиан из язычников, и таким образом избавлял город от лишней смуты и беспокойства, но и сам избегал возможности пострадать бесцельно от ярости своих врагов. Поэтому ап. Павел вскоре же после своего прибытия снова удалился из Антиохии. – Только этим недолговременным и несомненно бесплодным пребыванием апостола в Антиохии и можно объяснить то заявление св. Златоуста, что он не знает, был ли апостол Павел снова в этой стране.

Пребывание в Иконии и других городах Малой Азии

С горечью и сожалением покидал ап. Павел свой прежде любимый и дорогой город; но, как передают нам «Акты Павла и Феклы», покидал без злобы и раздражения. Он, как проповедник мира и любви, по заповеди Спасителя выходил из не принявшего его города без негодования на него, лишь отрясши пыль от ног своих, в знак своего отречения судить его поступок по отношению к себе. Иудеи по своему обыкновению не ограничились тем, что изгнали апостола из одного города они послали вслед за ним Димаса и Гермогена, которые и в других местах, куда прибудет он, должны были препятствовать успехам его проповеди. Но старец апостол, умудренный опытом, изучивший и познавший до сокровенной глубины человеческое сердце и человеческую природу, не мог быть возмущен и этим поступком своих иудействующих врагов. Он простил им за себя лично и заботился только о том, чтобы и их отвратить от ненависти к нему и наполнить их сердца любовно к проповедываемому им И. Христу, Сыну Божию. Поэтому всю дорогу от Антиохии до Иконии, он, как повествуют нам те же «акты», «улаживал их слух и сердце словами об Иисусе Христе».

Не принятый в Антиохии и почти изгнанный оттуда, апостол направил свои стопы в другие основанные им же Малоазийские церкви. Он держал тот же путь, который был ему уже хорошо известен из его прежних путешествий. – Вместе с своими спутниками и сотрудниками он направился к городам Иконии, Листре и Антиохии Писидийской. Здесь он имел надежду на утешительное общение с дорогими общинами и с теми их членами, которые были особенно близки его сердцу, ибо были близки его делу проповедничества. В Иконии он думал найти Онисифора, а в Колоссах – Филимона. Последнему он писал еще из Рим что, после своего освобождения из уз, он обязательно посетит его, и даже просил его приготовить себе помещение по видимому на довольно продолжительное время

(Флм.22). Но удалось-ли апостолу посетить в Колоссах своего духовного сына решить трудно; – скорее всего не удалось. Ап. Павел слишком долго промедлил на о. Крите, а в Малой Азии ему приходилось подвергаться слишком жестоким преследованиям, которые не могли, конечно, не отозваться на его старческом здоровье. Вернее всего допустить, что Филимон, узнав о приходе апостола в Ликаонийские города сам поспешил к нему навстречу и имел с ним свидание и беседу в каком-нибудь из них. Что же, теперь, сказать об Онисифоре? – Из упоминания о нем в 2Тим.1:16–18 можно вывести заключение, что Онисифор, оказавший большие услуги апостолу в Ефесе, имел здесь и свое постоянное местопребывание. Но это едва ли верно. Вернее его родиной и местопребыванием его семейства следует считать город Иконию. По крайней мере на это мы находим прямое указание в «Актах Павла и Феклы». – Здесь рассказывается, что Онисифор, уведомленный одним из учеников апостола о приближении последнего к городу Иконии, с радостью выходит к нему на встречу и приводит его в свой дом. В честь прибывшего из далекого путешествия ап. Павла устраивается торжественная вечерняя трапеза, к которой приглашается и много других лиц.

Собрание это имело в виду воспользоваться случаем и послушать назидательную проповедь великого миссионера. И апостол Павел не обманул их ожиданий. Он начал продолжительную беседу о разных предметах евангельского благовестия. Он говорил о заповедях блаженства, о будущем царствии Божием, о чистоте и достоинстве девственной жизни... С благоговением внимали ему собравшиеся слушатели, и многие решали в своем уме и сердце быть твердыми исполнителями его предписаний и наставлений. Между прочими слушателями была и одна молодая гражданка Иконии Фекла. Глубоко тронутая назидательной проповедью апостола, она тотчас же решила навсегда отказаться от замужества и сделаться постоянной спутницей и участницей в его проповеднических трудах. Она не отказалась от своего намерения и тогда, когда ее мать и ее жених Фамира, узнав об этом, всячески старались возвратить ее к прежней жизни. Но

все их убеждения остались напрасными, и им ничего не оставалось более, как в бессильной злобе подвергнуть преследованию апостола Павла, – виновника перемены ее мыслей и ее образа жизни. Фамира вместе с Димасом и Гермогеном поднимают народное возмущение и влекут апостола к начальнику города – проконсулу, а этот последний заключает проповедника в темницу до окончательного разбирательства его дела. К нему в темницу, подкупив сторожей, проникает Фекла и внимательно слушает его душеспасительную беседу. Для Феклы это было совершенно необычным и новым делом, но для апостола уже несколько раз повторявшимся. Такое народное преследование в этой же самой Иконии ему приходилось испытать второй уже раз. Ему еще было памятно, как во время его первого миссионерского путешествия в этом же самом городе «язычники и иудеи с своими начальниками устремились на них (Павла и Варнаву), чтобы посрамить их и побить камнями» (Деян.14:5). Но тогда он благополучно избежал опасности, теперь же он сидит в оковах, в темнице, и не знает, чем кончится это заключение. Лишь надежда на всеблагую и премудрую промысел Божий укрепляла его. И эта надежда не обманула его. Вскоре он снова призывается к проконсулу, который, чтобы удовлетворить, хотя и несправедливые требования врагов апостола, наказывает его бичем и приказывает удалиться из города.

Таким образом уже из второго города апостол был изгнан после того, как освободившись из римских уз, предпринял свое новое миссионерское путешествие. Измученный тюремным заключением и обессиленный бичеванием, апостол, после изгнания из Иконии, не мог отправиться прямо в дальнейшее путешествие: его старческая плоть требовала более или менее продолжительного отдыха и покоя. И вот, по сообщению «Акт», мы видим его удалившимся в соседнюю горную пещеру. Впрочем, он удалился сюда не один; с ним были его друзья, особенно необходимые ему в его настоящем положении; с ним же были и члены семейства Онисифора, не оставившие апостола в несчастье. Скоро к нему пришла и

Фекла, отпущенная начальником города на свободу после неудачной попытки сжечь ее на костре.

После достаточного отдыха, апостол Павел вместе с Феклой отправляется в другие города которые были ранее намечены им для посещения. Нужно думать, что таким городом была и Листра. Не мог обойти ее апостол, будучи так недалеко от нее. Он был в ней во время всех своих трех путешествий (Деян.14:6; 16:1; 18:23). Особенно должно было быть памятным его первое посещение этого тогда совершенно языческого города. Тогда его с Варнавой сначала превознесли как явившихся богов за исцеление ими не владевшего ногами, а потом побили камнями и апостола Павла полумертвым выбросили за городскую стену. Как приняли его здесь теперь по истечение столь долгого времени, когда большинство жителей города сделались последователями И. Христа? Едва ли благоприятно. Судя по приемам в других городах скорее можно предполагать противное. Большая впечатлительность жителей и их доступность постороннему влиянию были очень удобной почвой для возбуждения их со стороны иудеев против проповедника христианства. Так что и этот город, дорогой ему по прежней его деятельности в нем, апостол Павел должен был оставить с горечью и состраданием, с неудовлетворенной жаждой любовного общения с своими духовными чадами, успевающими в христианском совершенствовании.

Удрученный телесно старческими немощами, духовно-прискорбными обстоятельствами своего путешествия, апостол Павел вместе с Феклой, своей новой духовной дочерью, медленно направился к Антиохии Писидийской. Но и здесь он не ждал ничего радостного для себя и благоприятного для своего дела. И действительно, не из-за себя только, но и из-за Феклы, ему пришлось перенести много огорчений в этом городе. Какой-то сириец Александр, увлекшийся красотой Феклы, преследовал и ее, и апостола Павла убеждениями, чтобы она сделалась его женой. Не успевши в этом, он обратился с жалобой на нее игемону, и она была осуждена на растерзание зверьми как христианка. А апостол удаляется из города не дождавшись, чем кончится исповедничество его духовной

дочери. К этому его вынудили преследования, поднятые против него иудеями и язычниками по требованию первых. Так было и в его первое путешествие, когда он был изгнан таким же способом из пределов городских антиохийских владений (Деян.13:50).

Тяжелое впечатление должно было остаться в душе апостола Павла от этих неудачных посещений малоазийских городов. Мало утешительного они обещали и в будущем. Может быть он уже предвидел в их судьбе то самое, что впоследствии заметил и описал в своем Апокалипсисе св. Иоанн Богослов. Апостол Павел мало хорошего слышал об этих церквях еще в Риме, мало отрадного заметил во время их посещения, еще более горечи должно было остаться в нем от отношения жителей этих городов к его собственному лицу. Итак, не с утешением, не с радостью, не с просветленной и отрадной надеждой на будущее, но с тяжелым предчувствием шел теперь св. апостол со своими спутниками к берегу Средиземного моря.

Посещение гор. Мир-Ликийских, Милета и Трояды

До этого времени апостола Павла сопровождал неотступно его ученик и сотрудник св. Тимофей. По крайней мере так должно предполагать потому, что Тимофей вместе с ним выбыл из Рима, вместе с ним был в городах Иконии, Листрах и Антиохии Писидийской. Что он был в этих городах и вместе с апостолом подвергался тем преследованиям, которые описаны в «Актах Павла и Феклы», на это довольно ясное указание находим в 2Тим.3:1. Здесь, призывая своего ученика к терпеливому перенесению гонений и страданий со стороны не верующих и еретиков, апостол указывает ему на свой собственный пример, указывает именно на те гонения, которые ему пришлось перенести в Иконии, Листрах и Антиохии Писидийской. Перечисление этих именно городов и гонений и преследований, перенесенных именно в них, а не в других местах, будет достаточно понятными только лишь тогда, когда мы допустим, что св. Тимофей принимал самое живое участие в судьбе апостола за это время. Для св. Тимофея особенным средством ободрения могли служить, конечно, те апостольские страдания, которые он видел сам лично, и которые и на него ложились тяжелым бременем, как и его личные страдания. А такими и могли быть для Тимофея страдания апостола Павла в Иконии, Листрах и Антиохии, если Тимофей неотступно следовал за ним с самого острова Крита, кончая выходом из Антиохии.

Только теперь где-нибудь на этом пути св. Тимофей оставил своего духовного отца и учителя. И ему необходимо было поступить так. Большое и трудное поприще для его просветительной деятельности представлял город Ефес. Прежде, идя из Антиохии Сирийской в Ликаонию и Фригию, апостол Павел может быть думал сам попасть в этот большой город. Но обстоятельства изменили его предположения; и он решил, минуя его теперь, отправиться на Балканский полуостров и прежде всего в Македонию. Сюда же, в Ефес, он

мог надеяться прибыть после, побывав там, где быть он уже обещался давно, и где, может быть, были не терпящие отлагательства нужды. А пока в Ефес, для временного руководства его церковью, апостол мог послать св. Тимофея. Тимофей же был достаточно опытен и достаточно авторитетен, чтобы с пользой и успехом мог заменить собой апостола и на время удовлетворить нужды ефесских христиан.

Имея все это в виду во время какого-либо одного из пунктов своего отдыха на пути из Антиохии Писидийской, апостол Павел и просил св. Тимофея «быть в Ефесе и увещевать некоторых, чтобы, они не учили иному» (1Тим.1:3). Нескоро св. Тимофей согласился на просьбу апостола; ему не хотелось покидать своего старца, измученного путешествием и перенесенными страданиями; не хотелось, чтобы св. апостол отправился в то далекое и опасное путешествие без его бдительного наблюдения и внимательного ухода. Он в свою очередь со слезами молил своего учителя позволить ему остаться при нем и снова разделять его труды и лишения, а в Ефес послать кого-либо другого. Впоследствии сам апостол с благодарной радостью вспоминал о выражении такой преданности и любви со стороны своего ученика и писал ему из Рима: «желаю видеть тебя, вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости» (2Тим.1:4). Но все-таки апостол счел необходимым настоять на своей просьбе; он, как и сам об этом пишет, умолил своего ученика, он подействовал на него не только доводами разума, но воздействием на его горячую сердечную любовь к нему, по которой он, конечно, не хотел огорчать того, на кого она простиралась. Св. Тимофей, наконец, уступил апостолу и согласился оставаться в Ефесе, пока туда не прибудет он сам.

Расставшись с Тимофеем, апостол Павел с остальными спутниками продолжал свой путь к Средиземному морю. Конечной же целью своего путешествия он наметил незначительный городок Миры-Ликийские. Во время своих прежних путешествий апостол никогда не держался такого направления пути, это направление было ново и вероятно было вызвано какими-либо особенными соображениями. Какими-же?

«Акты Павла и Феклы», которые рассказывают нам об этом направлении апостольского пути, ничем не думают объяснять его. Они говорят только, что Фекла, отставшая от апостола в Антиохии Писидийской, нашла своего учителя именно в Мирах Ликийских. Этот город, находившийся около моря, обладал, конечно, гаванью. И может быть апостол рассчитывал найти здесь себе попутный корабль, на котором бы и мог переправиться на Балканский полуостров. Но едва ли он дождался здесь нужного ему корабля. Время, когда он прибыл сюда, не было удобно для мореплавания; это был конец зимы, начало 64-го года. Да и гавань Мир-Ликийских была слишком незначительна, чтобы могла предоставить апостолу возможность выбора из заезжавших сюда кораблей. По всей вероятности, апостол, ошибшись в своем предположении, употребил время пребывания в этом городе для отдыха, для восстановления и укрепления своих старческих сил, истощенных за это трудное и продолжительное путешествие, совершавшееся, конечно, пешком.

Когда же апостол почувствовал себя достаточно подкрепившимся и отдохнувшим, и когда убедился, что лишь понапрасну будет тратить время на ожидание здесь нужного корабля, тогда решил перейти в город Милет. Это был большой приморский порт, поддерживавший деятельную торговлю с различными городами и странами. Здесь всегда можно было рассчитывать найти стоящими в гавани корабли, готовыми к отплытию в разные места.

Апостол Павел и ранее не раз был в Милете и не раз пользовался его гаванью, как важным пунктом своих путешествий по морю. Так и теперь вместе с своими спутниками он, оставивши Миры и довольно скоро пройдя небольшое пространство, прибыл в этот торговый порт. Много у него было здесь знакомых и духовных детей, прежде просвещенных им христианской проповедью; много, конечно, должно было у него и дела по исправлению недостатков и удовлетворению духовных нужд милетских христиан. Но апостол спешил и не хотел нигде замедлять свой путь, а думал о сбережении времени, чтобы скорее попасть к своим возлюбленными давно

уже ждавшим его филиппийцам. После кратковременного совместного пребывания с милетскими христианами, после удовлетворения лишь самых насущных их духовных нужд, он стал наводить справки и о стоявших в гавани кораблях. Вероятно, нужный ему корабль нашелся скоро, и апостол решил отправиться на нем. Не желая упустить удобного случая поскорее оставить Милет, апостол Павел решился даже оставить здесь на попечение братии заболевшего Трофима. Трофим был давнишним и усерднейшим спутником и сотрудником апостола. Особенно же ревностно помогал он ему во время третьего миссионерского путешествия (Деян.20:4). Может быть он был неразлучно при апостоле Павле с того самого времени, когда со своим земляком Тихиком впервые последовал из своей родной асийской области за проповедником христианства. Он и теперь готов был продолжать вместе с апостолом его дальнейшее путешествие, но болезнь воспрепятствовала исполнению его желания. Может быть он просил даже подождать его выздоровления, может быть и самому апостолу Павлу хотелось иметь при себе этого верного ученика и усердного сотрудника, но необходимость воспользоваться отъезжавшим кораблем, необходимость дорожить временем заставила обоих друзей расстаться. И после апостол Павел, с прискорбием вспоминая об этом случае, писал св. Тимофею из Рима: «Трофима же я оставил больным в Милете» (2Тим.4:20).

С немногими оставшимися спутниками, может быть, только с Лукой и Димасом, апостол Павел, простившись с милетскими христианами и обещавшись навестить их, когда будет в Ефесе, отплыл из милетской гавани. Для проповедника было бы несравненно удобнее и выгоднее, если бы корабль прямо из Милета направился к македонским берегам; тогда бы путь апостола был очень недалеким и плавание непродолжительным. Но торговые корабли прямые рейсы совершают очень редко; в большинстве случаев направление их плавания зависело от назначения грузов, которые они брались перевозить из одного города в другой. Так было и с кораблем, на котором отправился апостол Павел; ему нужно

было завести груз в Троаду, и апостол волей-неволей должен был заехать в этот город. Этот город был хорошо известен ему, он бывал в нем и прежде. Здесь ему во время его второго путешествия было сонное видения мужа Македонянина, который просил его прийти в Македонию и помочь им (Деян.16:9), а во время своего обратного третьего путешествия апостол совершил здесь чудо воскрешения умершего юноши Евтиха, упавшего из окна и разбившегося до смерти (Деян.20:6–12).

Вот уже в третий раз, стало быть, апостол входил теперь в этот город. Судя по прежнему он был радостно встречен его жителями христианами, и их радость была тем более сильна, что пребывание апостола в их городе предполагалось довольно продолжительным. Корабль, привезший апостола Павла, имел много товара для выгрузки и много должен был захватить с собой из Троады, или же требовал существенных исправлений своего корпуса, и потому все пассажиры со всем их багажом должны были сойти на берег и ждать в городе, пока будут извещены о времени начала дальнейшего путешествия. На это время и апостол Павел должен был поселиться у кого-либо из троадских христиан и терпеливо ждать возможности ехать в Филиппы. Этим гостеприимным хозяином оказался некто Карп, вероятно простой небогатый гражданин, о котором упоминает сам апостол в своем послании к Тимофею (2Тим.4:13).

Но пришел и конец ожиданиям апостола; корабль приготовился к отплытию, и прежние пассажиры были извещены о времени его. Апостол Павел любвеобильно простился с радушно принявшими его троадскими христианами. Прощаясь с ними и обещая им также, как и милетцам, вскоре снова навестить их, возвратившись из Греции, апостол, как бы некоторый залог верности своих обещаний, оставил у того же Карпа свою фелонь (верхнюю одежду) и простые, и кожаные книги, которые, как всегда нужные он постоянно возил и после с собой. Но теперь, имея при себе очень мало спутников, которые могли бы взять на себя труд переноса вещей, он должен был на время расстаться с ними, – и это тем более было возможно для него, что свои книги он мог получить снова во время

предполагаемого скорого обратного путешествия через этот город; а фелонь пока была для него лишь лишней тяжестью, так как время стояло теплое: был конец весны 64-го года. Но не предвидел апостол, что его надеждам и планам не суждено будет осуществиться: ему не пришлось воротиться в Троаду, не пришлось взять и свои оставленные здесь вещи. И уже много после, из своих вторых римских уз, апостол писал св. Тимофею: «когда пойдешь (в Рим), принеси фелонь, которую я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные» (2Тим.4:13). Только в холодной и сырой римской темнице апостол Павел почувствовал нужду в своей верхней одежде и только в Риме, когда прекратились его беспокойные переходы из одного города в другой и из одной страны в иную, он пожалел, что не имеет с собой своих драгоценных по содержанию книг.

Прибытие в город Филиппы, особенность отношений его жителей к апостолу

С облегченным сердцем всходил ап. Павел на корабль. Теперь уже ничто, казалось, не могло воспрепятствовать ему ехать к возлюбленным филиппийцам, и ничто не могло задержать во время предстоящего недалекого плавания. Прежде, во время третьего обратного путешествия этот самый морской путь апостол совершил в пять дней, то же самое количество времени требовалось и теперь. Морская гавань, к которой должен был пристать корабль, был город Неаполь. Он находился при глубоком и поместительном заливе и представлял собой очень удобное место для стоянки кораблей. Он соединялся с городом Филиппы большой выложенной камнями дорогой, по которой и направился ап. Павел, спеша поскорее увидеть дорогих своему сердцу филиппийцев. Скоро совершил он этот веселый и короткий путь и скоро был в объятиях филиппийских христиан.

С великой радостью был принят филиппийцами давно ожидаемый ими желанный гость. Епископы и диаконы, которым он писал приветствие из Рима, вышли к нему на встречу; вышел навстречу и радостно приветствовал его и Епафродит. Это тот самый филиппиец, который был прислан филиппийскими христианами с их пожертвованиями для апостола, и который, прибыв в Рим и исполнил свое поручение, не хотел, расстаться с апостолом, но, как пишет этот последний, сделался его братом, сотрудником и служителем в его нуждах (Флп.2:25–30). – Как видно отсюда, Епафродит своими трудами помогал ап. Павлу добывать те скудные средства, которые необходимы были для узника, жившего на собственном иждивении. Пред своим освобождением из римских уз ап. Павел отослал этого нужного для себя человека на его родину, к его соотечественникам, ибо видел как хотелось ему быть среди них и знал, как он был нужен им и полезен своей христианской мудростью и благочестием. А в своем «Послании к филиппийцам» апостол пишет им: «примите же его,

Епафродита, в Господе, со всякой радостью, и таких имейте в уважении. Ибо он за дело Христово был близок к смерти, подвергая опасности свою жизнь, дабы восполнить недостаток ваших услуг мне» (Флп.2:23–30).

В высшей степени должна была быть трогательна встреча апостола с столь дорогими и близкими лицами. Сколько воспоминаний из прошлой жизни, сколько вопросов о настоящей и гаданий и намерений относительно будущей должно было быть высказано с той и другой стороны! Ведь филиппийцы были любимейшими духовными детьми апостола; он питал к ним самое полное доверие, только от них одних он позволял себе пользоваться материальной поддержкой. Но за то она, «всегда» приносит с радостью свою молитву за их участие в благовествовании от первого дня даже до конца его пребывания в римских узах. Он так интересовался их внутренней церковно-общественной жизнью, что мало того, что послал к ним свое полное выражение любви и отеческого чувства послание, отправил к ним также и Тимофея (Флп.2:19), чтобы узнать о их религиозно-нравственной жизни. Тимофей был в Филиппах и узнал, что узнать ему было нужно и поручено, и с этим возвращался в Рим к своему учителю. И теперь этот последний, придя сам в Филиппы, отчасти уже был знаком с тем положением вещей, которое теперь ему представилось. Он писал им из Рима обращаясь ко всему обществу: «берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания» (Флп.3:2). Он, как видно, предостерегал их от увлечения лжеучением иудействующих, убеждал их заботиться не о своей праведности, которая от закона, но о той, которая достигается через веру во Христа, чтобы «познать Его и силу Его воскресения и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его» (Флп.3:9,10). Он умолял тогда всех «стоять в Господе», умолял Еводию и Синтихию, а особенно Епафродита и Климента помогать всему обществу достигать христианского совершенства (Флп.4:1–3).

Что же, теперь, нашел ап. Павел в Филиппах при своем личном посещении этого города? – Должно думать, что кроме утешительного ничего. Да и странно было бы предполагать,

чтобы община, относившаяся к апостолу с такой горячей любовью, с такой преданностью и покорностью. не приняла во внимание и не выполнила со всей точностью апостольских советов и увещаний. Невозможно допустить, чтобы труды Епафродита и Климента, которым было поручено от апостола заботиться о филиппийской общине, не оказали благих последствий.

Благоприятное религиозно-нравственное состояние филиппийского общества должно было произвести на апостола отрадное впечатление, особенно если принять во внимание то, как неудачны и неутешительны были его посещения малоазийских, общин и городов, где влияние иудействующих достигло своего крайнего развития.

Впрочем и здесь, в Греции, только лишь одни Филиппы утешили ап. Павла; а общества, основанные им в других городах, находились также в опасном состоянии, и требовали личного присутствия среди них самого апостола и его личных трудов. Так что апостол был вынужден предпринять путешествие по городам Греции, во время которого он надеялся удовлетворить духовные нужды еще неокрепших в христианской вере и знаний греческих церквей. Таким образом прежде составленный ап. Павлом план его скорого возвращения в Малую Азию должен был измениться. Теперь он уже отдумал прямо из Филипп возвратиться через Троаду в Ефес к своему ученику Тимофею. Он это возвращение отложил на неопределённое время, которое потребуется у него положением вещей. А так как Тимофей ждал его, и так как он несомненно нуждался при своем затруднительном положении в апостольских наставлениях, то ап. Павел шлет ему послание. Это и есть наше каноническое первое послание к Тимофею.

В нем апостол старается, насколько то было возможно заменить свое обещанное личное прибытие в Ефес подробным изложением обязанностей его, Тимофея, как апостольского заместителя, и сообщением наставлений, исполнение которых было необходимо для него, как руководителя большой христианской общины. Он пишет ему о борьбе и о приемах этой борьбы с еретиками, с учением которых ему пришлось

ознакомиться во время своего пребывания в Малой Азии; убеждает и ободряет его и приравнивает к доброму воину. Дает ему наставления об устройстве ефесского общества, общественного богослужения, упорядочения жизни вдов, избрания и рукоположения епископов, пресвитеров и диаконов, вразумления рабов. И, наконец, дает советы относительно его собственного поведения и его собственной жизни. Но, конечно, апостол хорошо сознавал, что послание, как бы оно не было подробно и обстоятельно никогда не может заменить вполне его личное присутствие. Одно личное присутствие могло бы сделать лишними многие наставления послания, и его авторитет мог бы сам по себе в весьма значительной степени облегчить положение Тимофея среди ефесских жителей, считавших себя умудренными философией и науками. Поэтому среди самого раскрытия своих отеческих апостольских наставлений послания ап. Павел прерывает их обещанием, скорого личного прибытия в Ефес. «Сие пишу тебе, читаем мы, надеясь скоро прийти к тебе, чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божием», (1Тим.3:14,15). – Итак, апостол, собираясь отправиться внутрь Греции, все-таки еще не оставлял своего прежнего намерения о возвращении в Малую Азию, и притом, о возвращении скором, хотя и ожидал возможного замедления.

Путешествие в Фессалоники, Берию и Афины

Написав послание к Тимофею и отправив его с кем-нибудь по назначению, ап. Павел вышел из Филипп, направляясь по большой дороге, которая шла в Фессалонику. Христианское общество этого города потребовало от апостола не мало забот и трудов по исправлению и упорядочению его жизни, его устройства, взаимных отношений его членов и их отношении к язычникам. Его послания к фессалонникийцам дают о них понять как о людях очень неустойчивых в своих религиозных убеждениях и склонных к крайним увлечениям различными вопросами религиозной фантазии.

Устроив все здесь насколько то было возможно и нужно ап. Павел через Берию перешел в Афины. Но он не любил этого города; не чувствовал к его жителям особенного расположения и, видя в них крайнее легкомыслие в деле религии, не хотел понапрасну тратить время и усилия на бесплодные труды, но, предоставляя их пока воле Божией, отправлялся обыкновенно в другие города. Так было и в данном случае; – апостольское пребывание в Афинах продолжалось недолго, потому что, кроме выше сказанного, само афинское христианское общество было невелико, и несложны были его нужды.

Но то, что могло заинтересовать здесь апостола и повергнуть его в некоторую нерешительность относительно своих дальнейших действий, так это было полученное им печальное и тревожное известие из Рима.

Ап. Павел узнал о происшедшем 24 июля 64 года страшном пожаре в Риме и поднятом из-за него жестоком гонении против христиан. Впечатление от этой вести должно было быть особенно сильным и удручающим. Это гонение против последователей И. Христа было первым. Положим, св. апостол сам уже несколько раз испытал на себе действие злобы мира; но, те деяния не направлялись так решительно и открыто против имени И. Христа, как это случилось теперь в Риме. При том же его страдания, равно как и страдания других

проповедников христианства были отдельными и более или менее понятными, как происходившие из столкновения различных начал исповедуемых религий: проповедники христианства имели дело с представителями других религий, – преимущественно иудейской. В Риме произошло нечто совершенно другое. Здесь подвергались страшным пыткам, отдавались на растерзание зверей, распинались на крестах, сжигались на кострах, и гибли на цирковых представлениях не отдельные проповедники христианской религии, но все ее последователи без различия пола, возраста и состояния. Кроме того, это гонение было возбуждено не одним каким лицом, не возмущившейся случайно собравшейся толпой народа, но всеми римскими гражданами с императором Нероном во главе. Здесь, таким образом, сама предержащая власть, которая прежде была защитницей апостола и других христиан, и повиноваться которой апостол повелевал всем людям, эта власть теперь стала во главе преследующих. – Ап. Павел не знал на что решиться, – доканчивать-ли свое дело в Греции возвратиться-ли в Малую Азию или поспешить в Рим к страждущими братьям. Предпринять-ли последнее? Но что из этого может выйти? Что мог он сделать там для облегчения участи страдальцев? Он хорошо знал Рим, знал нравы тамошнего пролетариата, жадного до всяких кровавых зрелищ; знал также и о том жестоком своеволии, которое допускала по временам римская власть из-за желанья угодить грубым инстинктам толпы. Никакая проповедь, никакие воззвания не могли воздействовать в благоприятном смысле, и самое лучшее, в этом случае, было – дать время охладиться разгоряченным страстям римской толпы и ее неистовствам противопоставить христианское терпение и надежду на помощь Божию. Бесполезно было прибытие ап. Павла в Рим, бесполезно в смысле какого-либо средства прекращения гонения. Он мог идти туда, если желал послужить примером терпеливого перенесения страданий за имя Христово и ободрить этим самым римских мучеников. Но он уже в Афинах мог слышать, что римские христиане и без его примера умели мужественно умирать за исповедование веры Христовой и не нуждались ни в

ободрениях, ни в поощрениях. Между тем это ободрение и утешение со стороны апостола были нужны для того общества, среди которого он находился теперь.

Слухи о жестоком. римском гонении не могли пройти бесследно для греческого общества; ими не приминули воспользоваться иудеи, чтобы и здесь возбудить ненависть язычников против христиан. И хотя из истории мы не имеем известий о гонениях, происходивших в греческих городах, но несомненно настроение их языческого общества сделалось враждебным по отношению к христианам. Со дня на день эти последние могли ожидать, что против них поднимется толпа народа, возбужденная иудеями, и будет преследовать, обвиняя в тех самых бессмысленных преступлениях, в которых обвинялись и христиане в Риме. Таким образом присутствие ап. Павла среди греческих христиан было вполне необходимым. От него одного они могли ожидать и получить мужественную поддержку и утешение; лишь при виде его неослабного рвения они могли не пасть духом и безбоязненно глядеть на настоящее и будущее.

На этом основании он отложил и свое возвращение в Малую Азию. Там вдалеке от Рима христиане были более безопасны от возможности гонений со стороны язычников; да и та причина, – пожар Рима, – которая послужила поводом гонения, была менее понятна обитателям Малой Азии. Поэтому-то ап. Павел предпочел остаться в Греции, и переходил здесь из одного города в другой, ободряя и укрепляя христианские общества, призывая их к миру и трудолюбию, и стараясь сам быть как можно незаметнее для всюду преследовавших его иудеев и тем устранить лишний повод к явному обнаружению против себя и своих последователей языческой и иудейской ненависти.

Пребывание в Коринфе и Никополе

Во время этих переходов ап. Павла встретил нарочито искавший его Ераст из Коринфа. Он упросил св. апостола посетить и его родной город, в котором также чувствовалась нужда в его личном присутствии. Так ап. Павел в начале осени 64-го года прибыл в Коринф, – большой торговый город, где сталкивались по различным побуждениям жители всех тогда известных стран. Он представлял собой довольно обширное поле для деятельности христианского проповедника. Но вместе с тем в нем было много и элементов, вредных для успешного насаждения среди его жителей христианской веры и благочестия. Об этом дают нам ясное понятие первое и второе послание ап. Павла к коринфянам, а равно и повествование «Деяний» о двукратном пребывании его в этом городе. И в это последнее свое пребывание ап. Павлу пришлось много потрудиться при водворении мира и христианского единодушия между членами коринфского христианского общества. Теперь прежние партийные споры усилились еще более после того, как увеличилось число членов, среди которых стали появляться люди, искавшие в христианстве удовлетворения то своим философским стремлением, то низшим инстинктам своей природы. Эта шаткость и неустойчивость коринфского общества в христианских истинах осталась и после посещения его ап. Павлом. Оно заявило себя с плохой стороны в истории церкви и еще раз уже после ап. Павла. Так Климент, ученик апостола, писал к коринфянам нарочитое послание из Рима в котором и увещевал их твердо держаться преданного им от апостолов христианского учения.

Несомненно однако, что ап. Павел, замечая ненадежное состояние коринфского общества, пробыл среди него довольно продолжительное время. По крайней мере, временем его отбытия отсюда нельзя указать более раннее, чем конец осени или начало зимы 64-го года. В послании к Титу на о. Крит, он пишет, что собирается провести зиму в городе Никополь, и туда зовет к себе этого своего ученика.

Но что побудило ап. Павла написать Титу это послание и провести зиму в незначительном городке? – Это побуждение заключалось в решении апостола отправиться в Рим лишь только откроется морская весенняя навигация. Это решение созрело у апостола не вдруг, но по мере того, как приходили известия из Рима. Если прежде он не считал возможным и нужным отправиться на место гонения, то теперь его соображения изменились. Он узнал, что гонение в Риме постепенно стихло, что народные страсти успокоились и кровожадные инстинкты пресыщены и удовлетворены: в римском обществе появилось даже некоторое сожаление к несчастными, погибшим христианам. С другой стороны оставшиеся немногочисленные христиане были в неутешном горе. Многие из них лишились своих родственников и знакомых, много осталось вдов и сирот, и все вообще были без руководителей в своей духовной жизни, так как необходимо допустить, что представители христиан: епископы, пресвитеры и диаконы ранее других верующих подверглись во время гонения преследованию разъяренной толпы. Поэтому если когда и где нужен был ап. Павел, то именно в Риме и теперь. Он был нужен здесь как восстановитель христианской общины, нужен был как утешитель и как проповедник вообще. Апостолу нельзя было не знать этого; как невозможно было для него при его ревности не быть в Риме, где он был так нужен. И он решил при первой возможности отправиться туда. А так как он уже пропустил время удобное для мореплавания, и так как надеялся принести и здесь некоторую пользу своей проповедью, то он определил, провести зиму в приморском городке Никополе, где христианство, по всей вероятности еще не было проповедано.

Остановившись на этом решении ап. Павел и пишет из Коринфа Титу: ты знаешь, что я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил там, что осталось недоконченными за поспешностью моего отбытия оттуда. Но с того времени прошло уже более года, и ты, вероятно успел сделать то, что сделать было необходимо. Ты за это время успел, конечно, не только поставить по всем, городам Крита пресвитеров, но и избрать себе достойного преемника, который бы мог управлять критской

церковью самостоятельно. Зная сам, ты и другим показал, как должно обращаться с заблуждающимися. Но кроме этого прими во внимание и передай кому следует, и наставления этого моего послания. Пусть критяне будут в состоянии самостоятельно руководствоваться в своей духовной и церковно-общественной жизни. Сам же ты нужен мне, а потому я прошу тебя, как просил ранее остаться на Крите, прошу поспешить прийти ко мне в Никополь. Всю эту зиму я проведу в этом городе; только ты постарайся застать меня здесь. А до этого времени ты займись критским обществом, чтобы оставить его в надежном состоянии. Впрочем об этом особенно не беспокойся; я пришлю к тебе Артема или Тихика, который и займет твое место и примет на себя твои обязанности; – так можно передать своими словами послание ап. Павла к Титу.

Написав послание к Титу и отправив его вероятно с Зиной и Аполлосом, находившимися при нем в Коринфе, сам апостол решил наконец, выбить из этого города. Он, как убедился сам из предыдущего своего опыта, полагал, что личное присутствие для исправления заблуждающихся и для руководства несовершенными, не всегда бывает самым лучшим средством. Иногда и издали можно руководить также хорошо, как и вблизи; это, по крайней мере, он испытал на себе, когда ранее, медля идти в Коринф, воздействовал на его христианское общество через свое первое и второе послания. Так, может быть, и теперь он уходит из Коринфа, не доведя его общества до желанного совершенства; уходит в Никополь, чтобы и здесь начать христианскую проповедь. За коринфян же он мог и не опасаться особенно. Кроме того, что Никополь был недалеко от Коринфа, апостол оставлял здесь одного из своих верных и опытных учеников. В Коринфе оставался Ераст (2Тим.4:20). Этот Ераст, будучи до своего обращения в христианство казначеем в Коринфе (Рим.16:23), после обращения сделался постоянным спутником ап. Павла (Деян.19:22) и разделял его труды во время последнего пребывания в родном Коринфе. А когда апостол счел за лучшее и необходимое выйти из Коринфа, то Ераст не без апостольского согласия остался здесь. Он, по плану апостола, как опытный христианский наставник и

проповедник, и как уважаемое лицо среди коринфских жителей, должен был быть достойным апостольским заместителем. Кроме того ап. Павел снабдив Ераста особыми наставлениями и советами, как он делал это, оставляя Тита на о. Крите и посылая Тимофея в Ефес.

Город Никополь, куда прибыл ап. Павел, находился на Берегу глубокого залива и отличался обширной торговлей. Благодаря этой обширной торговле и многочисленности народонаселения, Никополь был как бы центром окружного язычества, которое и было в нем особенно твердым. Начинать здесь проповедь христианства приходилось с особенной осторожностью; а ожидать осязательных плодов ее можно было только спустя значительное время и притом только после многих трудов и усилий. Конечно и здесь были иудеи, как были иудейские прозелиты и пришельцы врат; через них было всего удобнее для ап. Павла начать свою проповедническую деятельность. Но даже и эта ступень была небезопасна для христианского проповедника теперь, когда еще из памяти жителей не изгладились впечатления римского гонения по поводу тамошнего пожара. Так что ап. Павел, прибыв сюда, не сразу выступил проповедником христианства со всей свойственной ему ревностно. Не мало времени потратил он. на предварительное ознакомление с самым городом и еще более с его жителями. И только убедившись, что нашел в их сердцах достаточно удобную почву для христианской религии, он приступил к самой проповеди. Но едва-ли он имел значительный успех. Слишком крепка была здесь. языческая религия; здешние жители были слишком заняты посторонними интересами, особенно торговыми и слишком были далеки от сознания своей греховности, от жажды искупления, от сознания необходимости благодатного возрождения из своей прежней греховной языческой жизни. Да и сам апостол употреблял не особенно большие усилия на свою проповедническую деятельность. Его душа более стремилась в будущее или покоилась на прошедшем. В прошедшем. она, видела основанный им по всем странам христианские общины, а в будущем – Рим, римское незначительное теперь христианское

общество, продолжавшее скорбеть о своих сочленах, мученически окончивших свою жизнь и с победными венками перешедшими в царство Господа И. Христа. И сам апостол нередко воображал себя на месте этих последних и желал поскорее умереть и быть со Христом. Поэтому он с нетерпением ожидал окончания зимы и начала мореплавания. Он послал уже, как и предполагал, Тихика пли Артема к Титу, и со дня на день ожидал к себе этого последнего. Но едва-ли дождался. Вернее всего предполагать, что Тит так и остался на Крите, думая только впоследствии придти к апостолу уже прямо в Рим. В Никополь он не мог поспеть до окончания зимы; – когда было возможно плавание по морю, тогда к нему еще не приходили посланные от ап. Павла, тогда он еще не успел укрепить и устроить христианское общество среди критян, среди этих «жрецов, злых зверей и ленивых утроб»; а когда прибыли посланные, когда он мог поручить им заботу о критской церкви, тогда уже окончилась морская навигация по случаю зимнего времени. С открытием же навигации можно было наверное рассчитывать, что уже нельзя застать апостола в Никополе.

Таким образом ап. Павел, не дождавшись Тита, выбыл из Никополя, лишь только отсюда отправился первый корабль в Рим при наступлении весны. В новооснованном христианском обществе он оставил кого-нибудь из своих спутников, или просто поручил его заботам и вниманию соседней ближайшей коринфской церкви. Что случилось по отбытии апостола с церковью Никополя, как она росла и усовершенствовалась, судить об этом нет никаких исторических данных. Теперь на месте прежнего богатого славного Никополя стоит незначительная деревенька Палеопревез, – жалкие развалины прежнего величия.

Вторичное пребывание ап. Павла в Риме

Ранней весной 65-го года приближался ап. Павел на своем корабле к остийской гавани Рима. Это было уже его второе путешествие в столицу. Первый раз он путешествовал в качестве узника в сопровождения стражи; и его путь, потому, был не таков, как теперь; тогда он должен был следовать по указанно своих стражников. В это же путешествие он свободно располагал собой. Поэтому он прибыл прямо в остийскую гавань, не желая высаживаться ранее и тратить лишнее время на путешествие пешком. Город и гавань Остия расположены при устье р. Тибра и соединены с Римом прекрасной остийской дорогой. По ней и направился апостол со своими оставшимися двумя спутниками Димасом и Лукой. Все другие спутники были оставлены апостолом в различных пунктах его предыдущего путешествия, для удовлетворения нужд тамошних христианских обществ. Да они к тому же не особенно были нужны апостолу при настоящих условиях. Он приходил сюда уже в знакомое ему место; ему известны были лучше, чем кому-либо другому местные условия города; равно как оставались в живых те из христиан, которые были обращены к новой религии его собственной проповедью. Все это могло служить и служило для апостола значительной поддержкой его доброго душевного настроения.

Но много, однако, было и такого, что тяжелым камнем лежало на душе апостола. Это, прежде всего, еще не изгладившееся из памяти страшное гонение, о котором он так много слышался, еще будучи вдали от Рима. Правда, по тем же слухам гонение давно уже прекратилось; народное неистовство также улеглось: оно не могло долго продолжаться уже по тому одному, что было слишком сильно. Это отмечает и римский историк Тацит, описавший в своей летописи как римский пожар, так и гонения христиан по поводу этого пожара. Рассказав о всех жестокостях, о всех страшных пытках, об издевательствах и черни, и императора Нерона над христианами, он присовокупляет такое замечание: «вследствие

этого, в отношении к виновным хотя и заслужившим самого строгого наказания, возникло сострадание, будто они (христиане) гибли не в видах общественной пользы, но на удовлетворение жестокости одного» (Тац.15:44).

В том, что гонения уже прекратились, что перестали мучить и преследовать христиан, конечно, для ап. Павла было не особенно много утешительного. Этого нужно было ожидать, этого требовало здравое рассуждение: в противном случае слишком долго была бы нарушаема божественная правда и человеческая справедливость. Ап. Павел в прекращении гонения видел для себя возможность свободного и безопасного вступления в город Рим. Но он еще не знал, насколько безопасна будет его предстоящая здесь проповедническая деятельность. Эта неизвестность и смущала апостола. Сильно огорчала апостола также и мысль о многих погибших во время гонения его друзей, им же обращенных в христианство. Но еще тяжелее должно было быть для него представление о той бедственной участи, которую приходилось теперь переносить оставшимся в живых христианам. Он много слышал об этом; а его любвеобильное сердце ожидало встретить еще худшее; оно наперед трепетало от той картины бедствий, которую было необходимо увидеть ему при вступлении в самый Рим.

Действительно, чем ближе подходил ап. Павел к Риму, тем все безотраднее становились встречающиеся картины жизненной сцены и деятельности. По той же самой остийской дороге, по которой шел теперь апостол, медленно двигались различные тяжести и материалы для отстраивающегося Рима. Со времени пожара прошло еще очень немного времени, и то опустошение, которое было произведено им, конечно не могло быть восстановлено за такой короткий срок. Из прежних четырнадцати римских кварталов, на которые делился весь город, только четыре остались нетронутыми, три разрушены до основания, а в остальных семи виднелись следы строений полуразрушенных пламенем. «Было бы невозможно счесть все количество домов, лавок, и храмов, тут погибших», – говорит Тацит (Тац.15:41). Ап. Павлу приходилось входить в город не по прежним тесным улицам и, сплошь застроенным высокими

домами, имевшими лишь то преимущество, что своей тенью прикрывали от жары прохожих. Теперь улицы шли по заранее определенному направлению и отличались сравнительно значительной шириной; высота строений была определена и ограничена; были сделаны открытые дворы, и устроены с лицевой стороны для их прикрытия портики. Запрещено было иметь общие стены, но каждое строение должно было иметь свои отдельные. «Все это было предпринято в видах пользы и содействовало красоте города», говорит тот же Тацит (Тац.15:42). Чем дальше шел апостол по этим улицам к центру Города, тем яснее становились следы пожара. Он увидел здесь одни лишь развалины от великолепных прежде храмов. «Вместо прежнего погибшего великолепия, вместо древнего исторического Рима импер. Нерон, захвативши городскую землю, строил на ней себе дом, в котором по отзыву Тацита, заслуживали удивления уже не драгоценные камни и золото, обычные предметы роскоши, а целые поля, озера; здесь идут леса, а там открытые места и виды».

Прошел ап. Павел мимо этих причудливых затей не знавшего границ в проявлении своего своеволия императора Нерона, и направился в отдаленную часть квартала. Здесь он, по заранее определенному плану, рассчитывал найти уцелевший или вновь выстроенный дом какого-нибудь бедняка христианина, оставшегося в живых после страшного гонения. Небольшое, теперь, христианское общество, услышав о прибытии апостола, собралось во всем своем составе, чтобы посмотреть и послушать великого проповедника. Много было предметов беседы, которыми нужно было поделиться и той и другой стороне. Ап. Павел немало рассказывал о своем путешествии, о плодах своей проповеднической деятельности за этот период времени, и о тех страданиях и гонениях, которые ему пришлось потерпеть за свое благовестие. Римские христиане со своей стороны постарались дополнить те отрывочные сведения о их прошедшем бедствии, о котором апостол знал только кое-что и по большей части из вторых рук.

В беседах на следующих собраниях апостол начал уже свою просветительную деятельность. Оставшиеся после

гонения, римские христиане принадлежали по своему общественному положению к беднейшему классу, а по своему церковному – к простым верующим; едва ли среди них нашлось несколько пресвитеров и диаконов. Поэтому со стороны апостола потребовалось прежде всего усовершенствование их в христианском познании. Главные догматы христианства, конечно, были им небезызвестны, – знание их было необходимо для принятия крещения, – но они были нетверды в различных правилах христианской дисциплины и христианской нравственности. К разъяснению и внушению этих правил и приступил ап. Павел, кратко упомянув об истинах догматических. По сказанию апокрифической книги, так называемой «Периоды Петра и Павла», он говорил с ними о законе обрезания, о соблюдении субботы, о значении воздержания в пище и питье и т. п. – От просвещения и воспитания уже прежде принявших христианство ап. Павел постепенно перешел к проповеди христианства и среди язычников-римлян. Мало-помалу его проповедь из хижин бедняков-ремесленников была перенесена им в дома богатых и знатных граждан. Та же книга «Периоды» рассказывает нам об обращении в христианство Кандиды, жены царского телохранителя Кварта. – Таким образом, как и в первое пребывание апостола в Риме, христианство стало известно и в кесаревом доме, в царском дворце.

Это были, конечно, утешительные плоды для апостола, но они же положили и конец его дальнейшей деятельности в Риме. Начала ли грозить жизни ап. Павла опасность, вследствие ожидаемого или уже сделанного доноса, или быстрое и широкое распространение христианства вновь возбудило в римской толпе неприязненные чувства по отношению к христианам, но только он должен был прекратить, в Риме свою проповедь. Телохранитель Кварт, обращенный в христианство своей супругой, узнав о грозившей христианству и апостолу опасности, счел долгом предупредить этого последнего и предложил ему удалиться на время из Рима в какое-либо другое место.

Ап. Павел оценил разумность предложения Кварта, но колебался в его выполнении, равно как и не знал, куда направиться ему, оставивши Рим. Оставление им Рима нужно было для него самого, потому что ему стали грозить узы и преследования; нужно оно было и для римского христианского общества, которое могло теперь развиваться само-по себе в тиши обыденной жизни, не навлекая на себя через необычайное действие Павловой проповеди внимание римской толпы и римских властей; наконец, настроение римского языческого общества было в то время таково, что пребывание ап. Павла в Риме делалось по меньшей мере бесполезным. – Христианское общество Рима под личным благотворным воздействием апостола возросло и окрепло. Но его рост произошел на счет тех впечатлений и обстоятельств, которые были следствием римского пожара и гонения. Когда же эти впечатления ослабли, когда обстоятельства того времени приобрели совершенно другое направление, тогда рост христианства должен был на некоторое время прекратиться или, по крайней мере, идти вперед менее быстрыми шагами.

С этого времени началась та полная чудовищных поступков жизнь импер. Нерона, которую он вел до самой смерти. Умертвив свою мать, умертвив жену Октавию и женившись на Поппее, отделившись от Бурра его умерщвлением, Нерон, наконец, прекратил и жизнь Сенеки, этого последнего своего доброго гения-руководителя. Лица, которые теперь окружали его, вполне разделяли все его безобразия и жестокости, и сочувствовали им; они были сами такими же неронами. Начались казни знатных и богатых, началось преследование добродетели и всего того, что не хотело бессмысленно и бесцельно попирать, законы справедливости, нравственности и религии. Все лица, окружавшие Нерона, готовы были, отказавшись от всего святого, презревши своих языческих богов и их законы, вслед за ним поклоняться амулетам-талисманам, которые их ни к чему не обязывали. Другие классы римского общества старались во всем подражать Нерону и окружающим его. Римские историки Светоний и Тацит единодушно одними и теми же красками описывают тогдашнее потерявшее все

нравственные устои римское общество. У Тацита, напр., мы читаем, что между тем как город был наполнен печальными процессиями похорон жертв нероновой жестокости, в храме Капитолия не было конца приношению жертв. У одного убит сын, у другого брат, у тех родные и друзья, но они благодарили богов, украшали лаврами свои дома, припадали к ногам Нерона и утомляли его руку поцелуями (Тац.15:71). О простом же народе, о римской черни и говорить нечего. Общественные игры и зрелища, которые по распоряжению Нерона должны были совершаться с особенной пышностью, вполне поглощали все время, всю заботу и весь интерес среднего и низшего классов римского общества. Таким образом настроение римского общества было совершенно противоположным тому, которое могло бы благоприятствовать принятию христианских истин. Постоянные жертвоприношения языческим богам, обязательное участие в них всех и каждого, делали чрезвычайно опасным последование христианской религии, не позволявшей какие-либо отношения к язычеству. Да, теперь в Риме ничего не благоприятствовало проповеднической ревности ап. Павла; и справедлив был совет телохранителя Кварта, чтобы он удалился из Рима.

Удаление из Рима

Но, может быть, для ап. Павла наступило время претерпеть мученичество за имя Христово? Может быть теперь настал час исполнения его давнишнего желания отрешиться от земного и быть со Христом? – Это могло быть желанием апостола; но он не знал, как оно согласно с волей Божией, как он не знал, куда ему удалиться из Рима если это было действительно необходимо для него. Нужно было за разрешением этих недоумений обратиться к Господу Богу. Он послал его на проповедь к язычникам, Он же и откроет, закончил-ли он эту деятельность, или же должен продолжать в какой-либо другой стране, среди иных народов. И ап. Павел, всегда полагавшийся на Бога и Его премудрое руководство, обратился и теперь к Нему с горячей молитвой. Бог не оставил в неведении своего верного раба и в особом видении ему было открыто, что его деятельность не должна остановиться на настоящем. «Встань, Павел, – говорил ему явившийся Господь, и будь им врачом!» – Так было указано новое место для проповеднической деятельности ап. Павла. Последний не медлил привести в исполнение божественное веление; и тем с большей быстротой и ревностью принялся он за осуществление мысли, об испанском путешествии, что она не была чужда ему и прежде. Напротив, она была у апостола еще очень давно, и если он не осуществил ее до сего времени, то единственно вследствие совершенно неблагоприятного стечения обстоятельств его жизни. Теперь его личное положение и стечение исторических обстоятельств были вполне благоприятны для его испанской проповеднической деятельности; это подтверждало и божественное откровение, бывшее в видении. Поэтому на другой же день после видения, ап. Павел объявил римскому христианскому обществу, что он, согласно повелению Божию, должен отправиться в Испанию.

Конечно римским христианам по естественным, человеческим свойствам, нежелательно было расставаться с

апостолом. Но его беседы и доводы убедили их в необходимости этой разлуки, и они примирились с ней как с неизбежной. Они, собравшись все вместе, устроили для апостола торжественные проводы и прощались с ним, проливая слезы подобно тому, как некогда оплакивали разлуку с ним ефесские пресвитеры. Но римская братия в данном случае была счастливее, чем эти последние. Римская братия, умолявшая ап. Павла не оставаться в Испании более года, по сказанию той же книги «Периоды Петра и Павла», удостоилась слышать голос с неба, который возвестил, что жизнь апостола окончится в Риме. Ап. Павел совершил прощальную евхаристию – литургию, во время которой вел поучительную беседу с своими слушателями. Случилось, что в их праведное собрание попала и одна женщина – Руфина, совершившая прелюбодеяние и не раскаявшаяся в нем. Св. апостол прозрел Духом Святым ее грех и ее нераскаянность и при всех же обличил ее. Кара Божия тотчас же постигла преступницу, и у нее отнялась вся левая половина ее тела, и онемел язык. Все пришли в ужас от такого события, но ап. Павел утешал их, говоря, что причиной ее бедствия служит ее нераскаянность; верующий же и покающийся никогда не лишается божественного снисхождения и помилования.

Окончивши евхаристию, апостол по знакомой ему остийской дороге направился к остийской гавани, намереваясь найти здесь корабль, отправляющийся в Испанию. За ним шло много людей из римской братии; среди них были не только простые Римские граждане, но и некоторые из знатных фамилий и из императорских служащих; здесь же был и пресвитер Нарцисс. Это был один из доверенных учеников апостола остававшийся теперь в Риме в качестве руководителя римского общества. Он мог быть его главой во время отсутствия апостола и как пресвитер, и как более опытный и совершенный в христианской вере, знании и жизни. Его-то наблюдению и попечению оставлял отъезжающий апостол римскую церковь, и ему особенно заповедовал блюсти все, чему был научен и наставлен. Вместе с другими провожали апостола и некоторые женины; они выражали свою скорбь по поводу разлуки с апостолом слезами

и рыданиями. Невеселая была эта сцена, и тяжелым чувством и мрачными предчувствиями должна была она наполнить душу апостола. В этих слезах женщин он кроме любви к себе мог видеть как бы некоторый знак слабости римского общества, его неуверенности в себе, в твердости своей веры и ясности христианского познания. Ап. Павел и сам знал это, но не мог ничем помочь. Сам он остаться не мог, не имел при себе и кого-либо более опытного и авторитетного сотрудника; приходилось доверить все Нарциссу, – этому лишь простому пресвитеру. Сознание некоторого сиротства покидаемого им римского христианского общества, его беспомощности и духовной незащитности, ясно сказалось в дальнейших действиях апостола. Когда по прибытии в самую гавань оказалось, что нет ни одного корабля готового к отъезду в Испанию, апостол послал известить римское общество об этой задержке. Он хотел еще раз видеть его членов около себя, хотел еще раз побеседовать с ними. Он. Как бы сознавая недостаточность и нетвердость их веры и познания, думал укрепить и усовершенствовать их во время этих дней промедления. По видимому и само римское общество сознавало себя находившимся в таком состоянии, и потому, по зову апостола как сообщают «Периоды», почти все пришло из Рима и неустанно слушало великого проповедника в продолжении трех дней.

Наконец настало время отплытия апостола; он последний раз преподавал им наставления и увещания и, обнимая их на прощание, призывал на них благословение Господа Иисуса Христа.

Путешествие по Испании

Испания, куда направился ап. Павел из Рима весной 66-го года, своим северо-восточным берегом находилась от остиийской гавани очень недалеко, и апостолу до этого пункта на свое плавание нужно было бы употребить сравнительно очень немного времени. Но более чем сомнительно, чтобы намеченным местом высадки апостола были северо-восточные берега. Прежде всего, по свидетельству Страбона, эти берега не имели в то время удобных гаваней. А это отсутствие гаваней ясно говорило о неразвитости торговли этих прибрежных местностей и о редких сношениях их с Римом и другими странами. Поэтому едва ли ап. Павел нашел такой корабль, который бы отправлялся из Остии именно к северо-восточным берегам. Да апостол и сам не желал высаживаться на них. Он заботился не о близости конечного пункта своего плавания, но о той возможной пользе, которую он мог принести своей проповеднической деятельностью. Но в странах, лежащих по восточным берегам Испании, равно как и далее в глубь полуострова, жили тогда разрозненные племена, среди которых христианская проповедь была бы очень затруднительна и не могла обещать благоприятных результатов.

Совершенно другое нужно сказать о жителях южной Испании, так называвшейся Бетики. Бетика или Турдитания по своему свободному государственному устройству, строго определявшемуся римскими законами, была самой благоприятной местностью для проповеди апостола. Ап. Павел еще в Риме мог знать об этих особенностях Бетики и решил, конечно, воспользоваться случаем проповедовать Христово Евангелие на доступном ему латинском языке под покровительством римских законов и при веротерпимости, которую всюду приносили с собой римляне завоеватели и римляне колонисты. Кроме этих благоприятных условий для предстоящей проповеди апостола к его поездке прямо в Турдитанию (Бетику) могла склонить его и та сравнительная легкость, с которой можно было найти для не корабль в

остийской гавани. «В этой римской гавани, по замечанию того же Страбона, между различными кораблями, приходящими сюда, самые большие и многочисленные корабли Турди-танов». Такое постоянное деятельное сношение Турдитании с Римом объясняется в свою очередь той торговой деятельностью, которая вытекала из природных богатств этой страны. Богатство Турдитании состояло особенно в прекрасных лесах, дававших великолепный строительный материал; кроме того плодородная почва давала обильные урожаи хлеба; в хорошем теплом климате росли богатые виноградники. Эти произведения страны почти исключительно отвозились в Рим, и здесь, потому, всегда можно было найти разгружавшееся турдитанские корабли. На одном-то из них и отправился ап. Павел в новое место своей деятельности. – Плавание не могло быть ни продолжительным, ни опасным. Путь, и сам по себе недалекий, значительно сокращался восточными ветрами, которые и были для апостола попутными. Быстро проплыл апостол мимо островов Корсики и Сардинии; миновал некоторые другие острова, проехал между Геркулесовыми столбами по Гибралтарскому проливу и высадился в приморском городе Астах.

Пребывание в г. Астах

Город Асты расположен на берегу Атлантического океана, при восточном рукаве большой и многоводной реки Бетиса. Жители этого города вели весьма деятельную торговлю с Римом и Италией, служа посредниками между ними и жителями внутренней страны Пиренейского полуострова. Отсюда привозились в Асты все продукты годные для вывоза, и здесь ждали покупателей для отправки на морских кораблях. Торговля и соединенная с ней возможность обогащения привлекала в Асты многих предприимчивых людей из разных мест тогдашнего римского мира. Здесь было много итальянских жителей; сюда приезжали и восточные купцы, везде искавшие места для сбыта своих товаров; сюда, без сомнения, прибывало много и представителей иудейского народа. Многие из них делались и постоянными здешними жителями. Если они могли быть встречаемы, по словам историка Тацита, во всех городах и странах римской империи, то конечно были и в Астах. Здешняя кипучая торговля и возможность легкой наживы насчет труда туземных жителей и природного богатства их страны были им известны и эти жители не избежали их эксплуатации.

Таким образом и на этом, сравнительно далеком месте от Палестины, ап. Павел мог встретить своих единоплеменников. К ним он обратился прежде всего и у них в искал себе временного приюта. Представши перед ними сначала в качестве ищущего места поселения и деятельности еврея, апостол вскоре же мог обнаружить и свою действительную цель прибытия в Испанию. Это могло обнаружиться само собой вследствие сосредоточения апостолом всего своего внимания на духовно-религиозных интересах. Если даже у евреев г. Асты и не было синагоги, то во всяком случае, были особенные молитвенные дома, куда они собирались для положенного чтения и изучения Свящ. Писания и преданий старцев. Здесь, на общих собраниях чтения и толкования закона Моисеева и пророков, ап. Павел и открыл впервые свою проповедь о Мессии Икупителе. Ожидания Мессии были свойственны всем иудеям, а иудеям

рассеянным еще более; поэтому и их интерес к проповеди апостола, по крайней мере на первое время, был очень значителен. Только после, когда из бесед апостола выяснилось, что он проповедует им не Мессию-Царя славы, которого они действительно ожидали, но Мессию Искупителя, Мессию страждущего за род человеческий, тогда внимание иудеев к проповеди должно было значительно ослабеть. Многие из них, как это бывало при прежних подобных случаях, уходили от него с насмешками, многие вступали в горячие споры, и лишь только немногие убеждались проповедью апостола и готовы были принять от него крещение, всем сердцем уверовав в Господа Иисуса Христа. Но для ап. Павла и этих немногих было достаточно. Через них, через их знакомство с городскими жителями, – римлянами и туземцами, он мог обратиться с проповедью и к этим последним.

Успех христианской проповеди был утешителен для самого проповедника. Христианская религия, обаятельная сама по себе, имеет силу привлекать к себе вследствие своей очевидной истинности и благодатного действия. Для туземных жителей Асты ее обаятельность была еще сильнее. Причина того заключалась в том, что их прежняя религия имела на них чрезвычайно мало влияния; в религиозном отношении они стояли на весьма низкой ступени развития. Их мифология божеств была совершенно неразвита и проста; это очевидно уже из того, что до нас не дошло ничего определенного и известного из их религии. Боги испанцев, не имея твердого положения в их душах, не удержались и в их исторической памяти и скоро совсем исчезли даже со своими именами не только храмами и памятниками. Уже Страбон, желая что-либо сказать о религии испанцев не нашел возможным сделать этого, – так мало было ему самому известно об этом предмете. Мы находим у него очень краткое и совершенно неясное выражение о религии туземцев. «Некоторые авторы, читаем мы у него, говорят, что Каллаики (одно из племен Испании) не имеют богов, а Келтиберы и их северные соседи по ночам во время полнолуний пляшут со всем семейством и пируют перед дверями своих домов в честь какого-то безымянного Бога» (3, 4,

16). – Такая религия, конечно, не могла устоять против божественной силы христианской религии. Для каждого испанца с полной ясностью должна была представляться эта бедность его языческих религиозных воззрений, лишь только ему удавалось ознакомиться с глубокими, светлыми и жизненными христианскими истинами.

Кроме того путь для распространения христианства среди испанцев был несколько подготовлен римлянами. Исторически известно, что всюду, куда только они не заявлялись, они вместе с своей властью распространяли свою цивилизацию, свой язык, свои законы и нравы. Но вместе с распространением их законов и обычаев распространялась отчасти если и не римская религия, то римская религиозная терпимость. Допуская в Риме поклонение богам всех стран и народов, римляне и в своих колониях умели всегда проводить в жизнь свое основное воззрение и религиозное настроение терпимости; они везде являлись своего рода развратителями туземного религиозного культа. То же самое они принесли с собой и в Испанию; через них и в сердце испанских туземцев проник дух сомнения, дух свободного отношения к своим богам и религиозным обрядам. Религия испанцев после того потеряла и то небольшое значение, которым она пользовалась ранее; и прежде почитатели безымянного бога, принявши обычаи и язык римлян, готовы были принять и их религию, религиозный культ. Но последнего не могли сообщить римляне; – во-первых, потому, что они никогда не думали навязывать его какому бы то ни было народу, а во-вторых, и сам религиозный римский культ вне своих государственно-общественных обрядов представлял собой нечто неуловимое и неудобовосприимчивое. Римляне были практические деятели; они учили жизни для жизни по правилам и законам чисто человеческим; но не могли учить жизни духовной, жизни веры и религии. В этом последнем отношении они скорее всего были готовы сами воспринимать и заимствовать от других народов их некоторые религиозные воззрения. Испанцы, научившись от римлян правилам и законам жизни общественной, внешней, за правилами и

законами жизни внутренней, за религией и за религиозной благодатью должны были обратиться к другому источнику.

Этим-то источником и явилось христианство для жителей Испании. Религиозная жажда, особенно после того как были подорваны римским скептицизмом их последние религиозные устои, должна была возрасти в испанцах до особенной степени напряженности. Им необходимо было искать воды живой, воды для своей души, не могущей удовлетвориться жизнью земных интересов, чем удовлетворялась душа практических римлян. Духовная природа испанцев не была еще искажена; не напрасно Страбон называл их мягкими по характеру и общительными, т. е. доступными влиянию правды, истины и добра. Поэтому они с радостью, как давно желанного гостя, приняли ап. Павла и всей душой предались новой для них проповедуемой религии. Ап. Павел уже успел ознакомиться с пустотой и бессодержательностью их прежней религии, понял и прозрел их томление от неимения истинного богопознания. Он узнал о том, о чем говорить Страбон, узнал, что они между другими богами поклонялись и Богу незнакомому, неизвестному; а потому он мог говорить им, как говорил некогда афинянам в их ареопаге. Он мог свою проповедь к испанцам начать обращением: «сего Бога, которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян.17:23). Испанцы были подобны афинянам в почитании неведомого Бога, но они еще не успели настолько осуетиться, как осуетились те, ища премудрости, по выражению апостола. Сердца испанцев были более просты и более доступны восприятию божественной истины из уст проповедника. Поэтому и нельзя было ожидать, чтобы они сказали апостолу, как сказали ему афиняне: «об этом (о воскресении мертвых) мы слушаем тебя после» (Деян.17). Испанцам был чужд афинский скептицизм, и они с открытым сердцем и нелицемерной верой воспринимали в свою душу все слова апостола о великих истинах христианской религии. Семя христианской апостольской проповеди, павшее на добрую почву, скоро возросло и принесло плод сторицей. Христианское общество Аст возрастало в количестве своих членов и

усовершенствовалось в качестве их христианской веры, познания и жизни по вере.

Апостол мог бы ограничиться одним городом Асты, как местом своей проповеднической деятельности и не выходить из него никуда. Но кроме того, что апостол не имел обыкновения долго оставаться в одном и том же месте, он и по другим основаниям должен был перенести свою проповедь в другие города Испании. Он сознавал, что христианство в торговом приморском городе, каким были Асты, не могло быть особенно устойчиво и надежно. Поэтому еще во время пребывания в Астах он предпринимал временные путешествия в окрестные города и был в Астурии, Мериде и др. Полное право предполагать это дает нам св. Киприан, который в своем 57-м письме упоминает как уже о славных и в его время церквях Леонской, Астурийской, Меридской и Сарагосской. Вернее полагать, что эти церкви были основаны самим апостолом Павлом, а не какими-либо другими проповедниками. Об этих последних ничего неизвестно, тогда как об ап. Павле мы знаем, что он путешествовал в Испанию с проповеднической целью. И отвергать происхождение некоторых церквей от ап. Павла только лишь потому, что эти церкви сами не знают своих основателей, едва ли справедливо. Конечно, было бы другое дело, если бы эти испанские церкви указывали и называли своими основателями прямо других проповедников, а не ап. Павла. Но в действительности этого мы нигде не видим. Поэтому вполне справедливо следующее рассуждение историка Прессансе применить по преимуществу к ап. Павлу. «Труды миссионеров, принесших евангелие в Испанию известны только по их плодам, но если их имена погибли, то следы их ног заметны, глубоко напечатленные на той земле, где столько племен замещали одно другое» (Том. I, 45). – Церковь Испании была уже важна в конце третьего века, ибо в гонение Диоклетиана здесь прославилось много христианских мучеников; а в четвертом веке было несколько соборов.

Насадивши христианство в Астах и его окрестных городах, ап. Павел думал пройти с своей проповедью по возможности по всей стране Испании; он хотел видеть ее народы и послужить их

просвещению. Ничто не препятствовало ему в исполнении того желания. Испания, находившаяся под властью римлян представляла все доступные тогда удобства для путешествия. Везде встречались благоустроенные города, торные и безопасные дороги, и везде действовала сильная власть римских сановников, которые в случае нужды всегда могли оказать ап. Павлу, как римскому гражданину, свою защиту и покровительство. Ап. Павел не преминул воспользоваться всеми этими удобствами, и, оставив Асты, направился вглубь страны испанского полуострова.

Кому же поручал он оставляемую им христианскую общину Асты? С ним не было таких верных и опытных, учеников, какие сопровождали его по Малой Азии. В Испанию он прибыл одиноким, а здесь за короткое сравнительно время своего пребывания не успел образовать и воспитать из туземцев учеников подобных св. Тимофею или Титу. Поэтому хотя и с горечью и с опасением, апостол, оставляя Астскую церковь, поручал ее ей же самой, надеясь на ее собственную твердость в вере и совершенство в познании христианских истин, а главное, конечно, полагаясь на Божественный промысел. Самим членам ново-устроившейся христианской общине во главе с епископом и пресвитерами ап. Павел завещали пе щись о ее собственном духовном преуспеянии. Он заповедал им блюсти все то, что они слышали от него, и советовал им заниматься особенно усердно чтением и изучением Свящ. Писания, как некогда он советовал св. Тимофею, оставляя его самостоятельным руководителем Ефесской церкви. Великий проповедник если и не рассчитывал еще раз побывать в Астах, то веровал, что всемогущий и всеблагий Бог возрастит и укрепит то, что он посеял на этой духовной испанской почве.

Посещение города Астиги

С надеждой на Бога и на Его премудрый промысел ап. Павел отправился из Аст вверх по течению реки Бетиса. Эта многоводная река была доступна для плавания даже и очень значительных кораблей; по крайней мере, по сообщению Страбона, корабли могли доходить до самой Кордубы. Дальше же внутрь страны путь совершался или пешком или верхом на выючных животных. По берегам Бетиса, как по своего рода торговой дороге стояли довольно часто многолюдные города, которые служили средоточными пунктами для торговой деятельности. Апостолу пришлось проехать мимо Небриссы, Ориппо, Гиспалиса, Аксати, пока не прибыл в большой и торговый город Астиги. Этот город находился при впадении в р. Бетис его притока Урия, и его жители пользовались всеми выгодами, которые можно извлечь из двух сходящихся водных путей сообщения: по Бетису приходили к ним товары с северо-востока, а по Урию – с востока. Астиги служили некоторым складочным пунктом, и уже из него товары шли далее по Бетису к приморской гавани. Поэтому здесь всегда была кипучая торговля; здесь можно было встречаться со многими народностями, и можно было найти средства осуществления многих интересов.

Влекомый интересом просветительной миссионеркой деятельности прибыл в Астиги и ап. Павел. Апостольская проповедь в этом городе должна быть, – и таковой была в действительности, – очень успешной и плодотворной. Здесь, как и в Астах, навстречу апостольских убеждений оставить свои прежние языческие заблуждения и обратиться к вере во Христа, шли и нетвердость жителей в своей языческой религии и их способность воспринять более чистое и возвышенное христианское учение об истине. Но сравнительно с астцами жители Астиги обладали и некоторыми преимуществами для восприятия апостольской проповеди. Они были чужды той суетности и суетливости, которая успела уже сообщиться астцам, как жителям приморского города. К тем привилась

римская практичность, а вместе с ней привилось и то легкомысленное отношение к интересам веры и духа, чем отличались и даже хвалились изверившиеся римляне. Вследствие этого ап. Павлу сравнительно трудно было основать в Астах христианскую церковь, как не возможно было поручиться, что она навсегда останется верной апостольскому завету и пойдет прямым путем христианского совершенствования в вере, надежде и любви. А то, что в Астах не сохранилось никакого предания о слышанной здесь некогда христианской проповеди из уст самого апостола, вполне подтверждает все сказанное о свойствах и особенностях астцев: они, увлекшись мирскими заботами, совершенно забыли об апостоле и легкомысленно допустили изгладиться из своей памяти и с их почвы характерным следам апостольской деятельности. – Этого не случилось с жителями Астиги.

Астигийцы, вероятно предуведомленные о предстоящем прибытии ап. Павла из Асты, с радостью встретили христианского проповедника. Среди них нашлись и такие, которые, будучи в Астах, слышали там проповедь апостола, и прибывши теперь сюда, в Астиги, были посредниками между апостолом-проповедником и его новыми слушателями астигийцами. Они еще раньше, чем прибыл сюда ап. Павел, сообщили своим согражданам сущность апостольского учения, сущность христианской веры; своими рассказами они к прибытию апостола успели возбудить сильный интерес к новой религии. Так что, когда среди них явился сам ап. Павел, то ему пришлось делать свое дело не с самого начала, но с несколько большего. Ему уже не нужно было возбуждать в астигийцах интерес к себе и к своей проповеди. Они и без того уже интересовались им; равно как интересовало и тревожило их сердце и мысли содержание его проповеди. Теперь они хотели лично и более подробно ознакомиться с проповедником и проповедуемым им учением. Для ап. Павла, таким образом, не нужно было, так сказать, рекомендовать астигийцам себя и свое учение; ему приходилось уже раскрывать пред ними тайны христианского учения о совершившемся искуплении рода человеческого через воплотившегося Сына Божия Господа

нашего Иисуса Христа. И чем живее и искреннее был интерес астигийцев, тем действеннее было для них слово апостольской проповеди. Если они пришли на беседу с апостолом с полным сознанием своей греховности, своих языческих заблуждений и необходимости изменить свою жизнь; если пришли с открытым для восприятия истины сердцем, то ни одно слово апостольской проповеди не могло пасть даром. Они в этом случае являлись той удобной почвой, которая обладая достаточной влагой и внутренними соками, возвращает принятое в себя зерно, и это последнее приносит плод сторицей. Слова апостольской проповеди, западая в души астигийцев, производили в них решительный переворот; они как бы сразу перерождали их и заставляли, – сначала в намерении, – жить новой жизнью сообразно с новым учением. Ап. Павел радовался этой восприимчивости своих новых духовных чад и еще с большей любовной радостью раскрывал пред ними тайны христианской веры, силы христианской надежды и упования, и могущество, и плодотворность христианской любви. За оглашением, за сообщением христианских истин и внушением твердой веры в тайны христианства, следовало крещение, а потом возложение и апостольских рук для преподания даров Св. Духа. Так образовалась среди астигийцев христианская церковь. Правда сначала она была очень немногочисленна. Но постепенно любовь и ревность апостола с одной стороны, с другой готовность самих жителей делали то, что эта церковь росла все более и более. А вместе с внешним ростом, т. е. увеличением числа членов, происходил и внутренний рост: крепла вера ее членов, уяснялось и усовершеншалось познание христианских истин, и сильнее проявлялась в их жизни преданность Богу и любовь к ближнему. Так под непосредственным руководством ап. Павла астийское общество приближалось к совершенному возрасту в Иисусе Христе, который должен был служить для них заветной целью.

Теперь у апостола могло возникнуть желание оставить и этот город и эту, новоустроенную христианскую церковь. Она уже достаточно окрепла в вере, любви и христианском познании и имела среди своих членов лиц вполне совершенных, которые

могли быть поставлены апостолом руководителям в дальнейшей церковной жизни. Эти члены, выдающиеся по вере и обилию полученных благодатных даров, были рукоположены в пресвитеры и подчинены главному надзору епископа. При столь благоустроенном и совершенном христианском обществе апостол уже не находил возможности приложения своей ревностной деятельности. Он чувствовал себя как бы лишним в Астиги. А между тем знал, что там в глубине полуострова, есть страны и народы, еще совсем неслыхавшие христианской проповеди. Все это побуждало апостола оставить этот столь утешивший его город и идти далее вперед как бы вестником пришедшего на землю царства Божия. Притом же, оставляя без своего личного руководства астигийское христианское общество, апостол мог быть совершенно спокоен за его будущее. Действительно надежда апостола не обманула его. Астигийская церковь не только не отступила от преподанного ап. Павлом учения, не только не растеряла полученного, но с благодарностью сохранила в своем предании и память о личном присутствии его в их городе и его личных трудах среди их передков.

Путешествие по внутренней Испании

Согласно своему прежде составленному плану, – пройти с христианской проповедью через всю Испанию, ап. Павел, оставивши астигийскую церковь, направился далее по реке Бетису. Чем далее шел он вглубь полуострова, тем местность становилась все малонаселеннее; города встречались все реже и реже, и ему приходилось проходить через небольшие селения, отделенные одно от другого большими расстояниями. Как климат, так и почва значительно меняли свои свойства. Климат становился суше и не так был тепел, каким он был в южной части Турдитании. Почва, плодородная на юге, покрытая лесами и обильная влагой, здесь постепенно переходила в пустынные каменистые равнины. Пройдя несколько по Бетису, апостол вступил в страну Бетурию, которая лежит к северу от р. Бетиса по р. Ане. Страбон замечает, что она представляет собой сухие и бесплодные равнины. Далее за Бетурией на пути апостола лежала Карнетания. По свойству климата и почвы это тоже, что и Бетурия. Поверхности этих стран отличаются неровностью, маловодьем и бесплодием почвы. Здесь жизнь совсем заглохла бы и приостановилась, если бы не те минеральные богатства, которыми так обильны эти страны. Как Бетурия, так и Карнетания славились издревле богатыми серебряными и золотыми рудниками. По словам Страбона, до настоящего времени нигде на земле нет ни золота, ни серебра, ни меди, ни железа в таком количестве, и такого достоинства как здесь. Золото добывается не только из гор, но также из реки, лесных потоков, которые выносят золотой песок, находимый даже в не орошаемых местах. Даже при рытье, колодцев и других подобных случаев жители находят золотой песок, из которого посредством промывки получают чистое золото (Кн. 3, 2, 8).

По этим-то обильным металлами странам проходил ап. Павел, начиная с Кордубы, пешком. На его пути встречались не торговые города но лишь заводы и прииски, а при них небольшие селения. В этих селениях апостол встречал

рудокопов и их семейства, им проповедовал слово христианской истины. Но нельзя ожидать, чтобы эта проповедь была особенно успешна и плодотворна. Приходилось проповедовать таким людям, забота которых всецело поглощалась их нелегкой работой. Добывание руды и ее промывание отнимало у жителей все время дня; а свободные часы нужны были для отдыха и сна. Только в эти немногие часы отдыха апостол мог собирать около себя слушателей и обращаться к ним с проповедью о Боге, о царстве Божиим, о загробной жизни, о том сокровище, которое соблюдается на небе, и которое червь не истребляет, моль не портит, и воры не крадут. Слушая апостола лишь короткое время, лишь урывками и притом не успевая отрешиться от своей постоянной заботы о добываемом золоте, рабочие немного извлекали из возвышенной и одушевленной апостольской, проповеди. Усваивали эту проповедь, отдавались ей всей душой и делались истинными христианами только те, которым приходилось бывать на беседе с апостолом чаще и дольше, и которые обладали душой, особенно восприимчивой, способной увлекаться истиной и добром, или уже заранее предрасположенной к усвоению христианской проповеди.

Ап. Павел не оставался здесь на одном месте, но переходил с завода на завод, из селения в селение, и был в городах Либизозе, Ляминии, Толете и др. Псевдо-Метафраст и летописец Глика рассказывают нам об одном замечательном событии из жизни апостола за этот период его испанской проповеднической деятельности. – Ап. Павел пробыл в этой местности уже довольно значительное время. Его имя стало известно во многих городах и селениях, равно как стало распространяться среди жителей и христианство проповедуемое апостолом. Приобретенные им последователи в значительном количестве всюду сопровождали его; а когда отлучались, то и на стороне, вдали от апостола, сообщали другим своим землякам то, что успели услышать и воспринять от него. Из числа познакомившихся с христианством и знавших об ап. Павле через подобных проповедников была одна знатная женщина, жена губернатора Проба. Этот Люций Сабин Проб

был, по известию некоторых хронографов, губернатором аренатской провинции, к которой принадлежали и города Либизоза и Ляминий. В одно время ап. Павел пришел в Либизозу; а так как Ляминий, в котором имел местопребывание губернатор вместе со своей семьей, находился недалеко от Либизозы, то об этом апостольском посещении услышала и жена Проба. Много слышавшая об апостоле и сильно заинтересованная проповедуемым им учением, она просила своего мужа пригласить проповедника в свой город к себе в дом. Проб исполнил просьбу жены, а апостол с готовностью выполнил его желание и из Либизозы пришел в Ляминий. И вот, когда, приготовившись к встрече чрезвычайного гостя, губернаторша ожидала внутри дома ап. Павла, долженствующего войти вместе с другими, и когда в дом вошло несколько человек, и она не знала, кто из них собственно великий проповедник. – Неожиданно для себя она видит вокруг головы одного из вошедших золотую надпись в воздухе: «Павел-проповедник Христа». Поразительно было для губернаторши то чудесное видение; хотя она и слышала о других чудесах апостола, но не надеялась сама удостоиться видеть чудо; и ее обращение в христианство с сего времени сделалось несомненным. Она с доверием обратилась к ап. Павлу, с открытым сердцем стала внимать его словам, и для не скоро открылись и стали доступны тайны христианской религии. Она уверовала в И. Христа, воплотившегося Сына Божия, уверовала в возможность через благодать Христову приблизиться к Единому Богу и через крещение возродиться для жизни новой и святой. Ап. Павел ясно видел искренность и твердость веры новопросвещенной и потому немедля долго крестил ее, дав ей при крещении имя Ксантиппы. Вслед за Ксантиппой, увлеченные ее примером, а отчасти убеждениями и проповедью апостола, приняли крещение ее муж Проб и сестра Поликсена. Проб, как губернатор, имея частые сношения с римским префектом города Толета Филофеем, обратил к христианству и этого последнего. Так в число членов христианского общества вступило несколько знатных лиц, более просвещенных и более влиятельных среди жителей Испании.

Эти лица, сами приняв христианство, сделались помощниками ап. Павла в его проповеднической деятельности, и несомненно их труды и усилия не пропадали напрасно. О Поликсене мы имеем предание, что она к проповеднической деятельности привлекла Онисима. Этот Онисим, раб Филимона, которого ап. Павел обратил в христианство. Он в последствии был поставлен помощником Тимофея по управлению Ефесской церковью. Когда он однажды прибыл в город Патары Фригийские, то здесь случайно встретился с Поликсеной, которая и убедила его идти в Испанию, что бы продолжать там проповедь дорогого ему ап. Павла. Онисим внял увещаниям Поликсены, прибыл вместе с ней в Испанию, где в продолжении многих лет трудился над просвещением испанского народа. По другому преданию вместе с Онисимом и Поликсеной проповедью христианства среди испанцев занималась и Ксантипа; они ходили по городам Карептании и особенно часто посещали родной им город Ляминий. Не разделял трудов проповедничества с этими лицами Проб. Он, как бывший римский чиновник, по своему обращению в христианство, не рискуя понапрасну своей жизнью, не мог оставаться дольше на прежнем месте своей гражданской деятельности, но, отказавшись от нее, совсем удалился из Испании. Из его жизнеописания мы знаем, что после крещения он удалился в Италию и здесь, в городе Равенне, сделался со временем епископом.

Таким образом проповедь ап. Павла в Берутии и Карнетании нашла здесь довольно восприимчивые сердца. Христианская церковь, благодаря ревности апостола и сочувствию, и содействию ему со стороны самих жителей, быстро росла и укреплялась. Когда к христианству присоединились Проб, Ксантиппа и Поликсена, и когда они сделались его деятельными помощниками, тогда ему ничего не оставалось, как удалиться отсюда в другие города и местности. Поставивши по городам пресвитеров, а где нужно и можно, и епископа, давши, таким образом, церкви этой местности возможность самостоятельного развития и преподавши своим

спутникам последние наставления, апостол, простившись с ними пошел еще далее на север.

Новый путь ап. Павла лежал по направлению к берегам реки Ибера. Здесь местность становилась более населенной, и апостолу на его пути чаще и чаще стали попадаться значительные города, вполне знакомые с римской цивилизацией и не редко в значительной степени населенные римлянами. Таков был город Кесаравгуста. Он был расположен на берегу Ибера и представлял собой римскую колонию, в которой все было более римским, чем туземным испанским. Едва ли ап. Павел находил здесь подходящие условия для своей проповеднической деятельности. Римские колонисты были всецело погружены в житейские интересы, в заботу – извлечь все возможные выгоды из новых окружающих их условий. В их сердцах не оставалось места для восприятия проповеди христианства; они слишком тяготели к земле не хотели и не могли подняться до понимания истин религии духа. Не мог найти апостол удобной почвы для своей проповеди и среди туземных жителей. Они, по описанию Страбона, и в его время отличались дикостью и жестокостью своих нравов. Они чрезвычайно противились усвоению римской цивилизации и отчаянно отстаивали свою самостоятельность от римских завоевателей. Даже и после того, как римляне уже прочно водворились в их стране, они продолжали вести отчужденную от них жизнь в своих бедных деревушках, возделывая мало плодородную почву при суровом климате. Трудно было ап. Павлу одному без сотрудников, в короткое время сделать многое своей проповедью среди подобных слушателей. Здесь мог достигнуть более или менее осязательных результатов только такой проповедник, который бы отдал религиозным интересам этих дикарей всего себя нераздельно во все время своей жизни. Но апостол не мог сделать этого; он не мог остаться в этой стране навсегда, ровно как не мог отрешиться мыслью и сердцем от того поля деятельности, которое было уже пройдено им. Его мысль часто возвращалась к малоазийским церквам, возвращалась к греческим и испанским. Теперь же, когда он прибыл в Кесаравгусту, и увидел здесь

многое, что он видел в Риме, ему с особенной ясностью вспомнился этот город и его христианское общество. Вспомнилось ап. Павлу то полное печали и надежды расставание, которое происходило у них в Остийской гавани; вспомнились слезы римских женщин, просьбы христиан о его скором возвращении, а так же и его собственное обещание не быть в Испании более года и подтверждение его небесным голосом. Но вот год подходит уже к концу и время близилось к весне 67-го года. Что нужно было предпринять ему? – Оставаться проповедовать по берегам Ибера, где он был теперь, было почти бесполезно. Или обратиться назад и проходить снова по прежним областям Испании? – Но он знал, что его присутствие там в настоящее время вовсе не было необходимо. Самым лучшим исходом ему казалось отправиться в Рим. Через это путешествие он исполнил бы свое обещание, а с другой стороны оказал бы большую пользу для христианства вообще и для римской церкви в особенности.

Отправляясь в Испанию, он оставил римскую церковь далеко не в надежном состоянии. Число ее членов было невелико; да и эти не отличались особенной духовной опытностью и высоким христианским совершенством. К тому же среди них, как знал ап. Павел, не было вполне надежного руководителя. Таковым там остался пресвитер Нарцисс; но он был более совершенным в христианской вере и христианском познании только лишь сравнительно с другими римскими христианами, совсем не успевшими окрепнуть в своих новых христианских убеждениях. Между тем на долю римского христианского общества выпадало гораздо более соблазнов, гораздо более поводов или совсем отпасть от христианства под давлением внешних обстоятельств или впасть в заблуждения, увлекшись различными философами и религиозными проповедниками. Таким образом на апостоле даже лежала некоторого рода обязанность, немедленно долго в Испании, поспешить своим возвращением в Рим. – Ап. Павел так и поступил.

Обратное путешествие из Испании в Рим

Пробыв очень короткое время в Кесаравгусте, ап. Павел по реке Иберу спустился к его устью и здесь рассчитывал найти корабль для своего обратного путешествия в Рим. Когда он прибыл к берегу средиземного моря и остановился в одном приморском селении Дортозе, морская навигация по случаю раннего времени еще не начиналась.

Нужно было ждать времени, когда начнется плавание, и явится возможность выбыть отсюда. А пока никогда не прекращавший деятельной жизни великий проповедник начал и здесь свое дело просвещения тамошних жителей светом христианской истины. Предание Дортозской церкви сохранило благодарную память об этой деятельности ап. Павла и передало последующим поколениям известие о понесенных им трудах в этом небольшом в то время селении.

Христианство вследствие недалекого расстояния от Рима было не безизвестно жителям Дортозы, особенно-же после того, что случилось в Риме в 64-м году по поводу тамошнего пожара. Весть об избиении множества христиан не могла пройти мимо Дортозы и возбудила здесь в ком простое любопытство, а в ком и живой интерес к той неизвестной вере, за содержание которой обвиняли христиан. Если даже христианская религия и не проповедовалась в Дортозе прямо, если ее не называли по имени, то все-таки она была известна дортозянам как какая-то новая вера, совершенно отличная от других известных им до сего времени. Таким образом прибывший в Дортозу ап. Павел уже в настроении ее жителей нашел некоторую подготовку для начала своей проповеди. Среди жителей Дортозы нашлись и такие, которые уже ранее видели апостола или в Испании или в Риме, и много было таких, которые слышали о нем от других. Встреченный и теми и другим как уже известное лицо, путешествующее с известной целью, ап. Павел прямо приступил к евангельской проповеди. Он раскрывал сущность евангелия, сущность той религии, последователями которой объявляли себя замученные в Риме христиане. И то чувство

сострадания к невинным мученикам, которое заставляло римских жителей в конце концов отворачиваться от зрелища их казней, это чувство жителей Дортозы побуждало к скорейшему принятию проповедуемого апостолом учения. Поэтому Проповедь апостола в Дортозе была весьма успешна и плодотворна; христианские истины быстро воспринимались искренними сердцами и число последователей проповедуемого И. Христа возрастало со дня на день. Дортозское христианское общество и по количеству своих членов и по свойству их веры и христианского познания скоро достигло такого состояния, что получило от апостола устройство отдельной самостоятельной церкви, имеющей своего епископа и пресвитеров. Первым епископом дортозской церкви, поставленным в этот сан самим апостолом был некто Руф. Память о его апостольском рукоположении в епископский сан, равно как и его имя сохранило нам предание дортозской церкви.

Это образование правильно устроенной дортозской церкви произошло сравнительно в очень короткое время, и к началу весеннего плавания по средиземному морю апостол был совершенно свободен и имел возможность, не вредя несколько новоучрежденному христианскому обществу, оставить Дортозу и отправиться в Рим. В торговых кораблях, отправляющихся из Дортозы в Рим, в это время недостатка быть не могло, – хотя, по свидетельству Страбона, устье Ибера, где была расположена Дортоза, и не представляло удобной гавани. В весеннее половодье, пользуясь разливом реки, жители ее верховьев сплавляли к ее устью, в Дортозу, свои товары с надеждой переправить их в Рим. Ап. Павел имел полную возможность воспользоваться этим торговым движением и конечно воспользовался.

Он любовно простился с дортозской христианской общиной, оказавшейся столь восприимчивой к его проповеди, преподал всем верующим обильные наставления, увещевая их твердо и неизменно держаться преподанного им учения, внушал повиноваться епископу и пресвитерам, исполнять их увещания и предписания, и принимать советы, и вразумления. Епископу Руфу, который должен был остаться заместителем апостола и

главным руководителем дортозского общества, ап. Павел дал особенные наставления и, благословив его в глазах всего общества, внушал всем, чтобы они оказывали ему сугубую честь, внимание и послушание. Вслед за торжественным прощанием, бывшим после братской трапезы – агапы, великий миссионер сел на корабль и навсегда оставил испанский берег. Теперь он выполнил свое давнишнее желание побывать в этой стране, исполнил завет Господа быть врачом испанцев, и возвращался в Рим с успокоенной и удовлетворенной душой.

Третье пребывание ап. Павла в Риме

Римское христианское общество, оставленное ап. Павлом ради проповедования евангелия жителям Испании, вскоре после его отбытия подверглось крайней опасности. Преследование-ли со стороны римской власти, враждебное-ли настроение народа к распространяющейся христианской религии или общая настроенность римских жителей, совершенно противоположная настроенности истинного христианина, а может быть все эти причины вместе произвели то, что многие из членов христианского общества отпали от принятой ими веры. Многие изменили, Христу и возвратились вспять, увлекшись суетой мира. Римляне, следуя примеру императора Нерона и его приближенных, всем своим существом отдались постоянным празднествам, торжественным оргиям, пышным жертвоприношениям, увлекательным для них цирковым зрелищам, состязаниям и играм с жестокими казнями. Сам историк Тацит дивился, что ему в его летописи приходилось писать только о казнях и жестокостях, и даже извиняется пред своими читателями. «Рабское терпение, столько крови, бесполезно пролитой дома, утомляют ум, и печаль охватывает душу. Другой защиты от тех, которые ознакомятся с этим, не искал бы я, как лишь бы не сопровождали ненавистью так бесплодно и нерадиво погибших. То был гнев высших сил на дела Рима» (Тац.16:16). – Если даже Тацит в казнях граждан видел проявление гнева высших сил, то это грозное проявление еще более устрашало простой народ, который гнев богов видел также и в непогодах и болезнях, посещавших тогда Италию и Рим. Этот гнев, по мнению народа, необходимо требовал умилоствления, требовал более строгого и торжественного исполнения религиозных обрядов и более частых и богатых жертвоприношений. К этим жертвоприношениям привлекались все жители Рима; и христиане, избегавшие участия во всех общественных увеселениях и особенно в жертвоприношениях, естественно, навлекали на себя мрачную подозрительность язычников, и

постоянно могли ожидать открытого восстания против их религии и против их самих, – ждать нового гонения.

Все это, конечно, сильно задерживало распространение христианства и даже прямо действовало на него в смысле его сокращения, – обнаруживалось в отпадении членов его в прежнюю языческую веру из-за страха смерти и всевозможных неприятных столкновений с язычниками, – родственниками и знакомыми. Так что книга, так называемые «Периоды Петра и Павла», может быть лишь не много преувеличивает, когда рассказывает, что вскоре, после отбытия ап. Павла в Испанию, в Риме почти все христиане отпали от своей христовой веры; и остались верными ей лишь пресвитер Нарцисс, две женщины и два больных. Впрочем «Периоды» этот печальный факт из жизни римских христиан думают объяснить из других случайных причин. По их рассказу, христиане, обращенные ап. Павлом, отпадши от христианства, пошли вслед за Симоном Магом, который прибыл в Рим около этого времени. Таким образом Симон был виновником гибели трудов ап. Павла, и потому для возрождения римского христианства и привлечения новых членов, по мнению книги «Периоды», нужно было не что иное, как прекращение деятельности этого влиятельного через свои чары мага. Устранить Симона с пути развития христианского дела является в Рим ап. Петр. Этот перво-верховный апостол, повествуют «Периоды», вступает в борьбу с кудесником; он творит множество чудес, подкрепляя ими свою проповедь христианства, и приобретает Христу все новых и новых последователей. Наконец его борьба с магом кончается полной победой над ним: маг, посрамленный несколько раз ранее, по молитве ап. Петра, во время своего воздушного полета низвергается на землю и разбивается на части. Но и сам ап. Петр был осужден императором Нероном на распятие и крестными мучениями должен был закончить свою апостольскую деятельность.

Это событие, если оно исторически достоверно, должно было совершиться незадолго до возвращения ап. Павла из Испании в Рим в начале 67-го года. Славянские «Акты» ап. Павла, как известно, возвращение ап. Павла приводят в связь

со смертно ап. Петра; и говорят, что ап. Павел поспешил прибыть в Рим, потому что услышал о мученической кончине перво верховного апостола. Выходит таким образом, что лишь только ап. Павел услышал, что римское христианское общество снова осталось без надежного руководителя, как сейчас же поспешил выбыть из Испании.

Медленно подвигался ап. Павел на тяжело нагруженном судне; обычные восточные ветры затрудняли еще более нелегкой путь, и только по прошествии не малых дней он наконец прибыл в Остийскую гавань.— Это уже во второй раз высаживался апостол в остийской гавани. Теперь он чувствовал себя здесь как в родном городе? Все было ему хорошо известно, известно была и та дорога, которая должна привести его в величественный Рим. Несомненно еще на пути, на остийской дороге, он был встречен знакомыми ему лицами. Это были или обращенные ранее им самим христиане или обращенные без него, но знавшие его за его прежнее пребывание в Риме, как его постоянные жители. От них он узнал в коротких чертах о происшедшем в Риме во время его отсутствия, и осведомился, где и у кого ему всего лучше остановиться. А так как Лука и Тит были уже в Риме и дожидались его прибытия, то ап. Павел пожелал остановиться в том-же самом месте, где нашли себе приют и его два ученика. — Лука прибыл в Рим, возвратившись с востока, и, по прибытии апостола из Испании, намеревался занять при нем то же самое место, которое он занимал и ранее, т. е. как участник в апостольской проповеднической деятельности и как врач, нужный апостолу в его материальных нуждах и постоянных болезнях. Тит же прибыл в Рим, исполняя просьбу апостола, которая была написана ему в послании, полученном им еще на о. Крите. Тогда он не успел прибыть в Никополь и застать там апостола; этот последний отправился в Рим, не дождавшись своего ученика. И вот теперь, когда на о. Крите, все было устроено и направлено на благой путь совершенствования, Тит поспешил в Рим, рассчитывая если и не встретить здесь самого апостола, то во всяком случае узнать достоверно о его местопребывании. Надежда Тита не обманула его. От римских

христиан он узнал, что ап. Павел находится в Испании, но скоро должен был прибыть оттуда, так как обещался пробыть там не более года. Тит остался в Риме дожидаться этого возвращения апостола, а пока занялся просветительной деятельностью среди римского общества. Сошедшись с Лукой они сообща трудились на ниве Божией, пока не прибыл сюда их учитель и наставник.

Благодаря этой предварительной деятельности своих учеников, ап. Павел нашел состояние христианского общества в Риме не особенно печальным. А если принять во внимание что здесь недавно проповедовал и первоверховный ап. Петр, то успехи христианской проповеди в Риме и вовсе должны быть отрадными. Ап. Павлу, сообразно его авторитету и ревности, предстояло лишь еще шире развить христианскую просветительную деятельность. Он так и поступил. Тотчас-же по своем прибытии он начал свою проповедь евангелия. Его первые беседы были среди тех, которые уже приняли христианскую веру и нуждались разве в более глубоком усвоении христианских истин и укреплении их в решимости устраивать свою жизнь по заповедям Спасителя, не уклоняясь от них ради правил и требований языческого мира и его страстей и удовольствий.

Ап. Павел старался преподавать им не только начатки христианско учения и сообщить таинства христианской религии, но заботился и о более глубоком проникновении их духа в истины христианства и об обогащении их богоданными дарами для жизни более святой и совершенной, и учил их любви, которая долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не раздражается, не мыслит зла... Словом, он увещевал и учил их постепенно достигать того идеала совершенства, который должен быть целью всякого последователя Христа.

Укрепивши в достаточной степени тех, которые уже ранее были христианами, ап. Павел обращает свое внимание и на язычников. Он и к ним простирает свое слово благовестия. Его авторитет среди членов христианской общины, его известность среди язычников, наконец сила его слова и почившей на нем благодати Св. Духа производили то, что его проповедь не была

гласом вопиющего в пустыне. Приходившие случайно на его беседы с христианами или нарочито приглашенные сюда родственниками и знакомыми, жители развратившегося Рима невольно поддавались обаятельному влиянию апостольской проповеди. Они, полагаясь во всем на проповедника, калялись пред ним в своих прежних языческих заблуждениях, открытым сердцем и бесхитростным умом старались усвоить и уразуметь новые для них христианские истины и с нелицемерной верой воспринимать, таинства христианской религии.

Когда же имя апостола и проповедуемая им христианская религия стали известны не только среди малого круга незначительных римских ремесленников и мелких торговцев, но и среди представителей среднего и даже высшего класса общества, тогда апостола стали приглашать на беседы в частные дома. Здесь хозяин дома приглашал своих знакомых и родственников для слушания апостольской проповеди. И хотя течение тогдашних исторических событий Рима все еще шло в том же неблагоприятном направлении, однако интерес, возбужденный христианской проповедью ап. Павла был очень значителен; и таких домохозяев и собираемых ими слушателей находилось немало в многолюдном Риме. Конечно различны были побуждения, которые заставляли собираться для слушания проповеди ап. Павла; и может быть многие приходили из простого любопытства, а вовсе не из желания удовлетворить своей духовной жажде. Но достаточно было и немногих, имевших искреннее намерение отстать от языческих заблуждений. Многие и из присутствующих, по любопытству совершенно искренне обращались к христианству и делались его верными исповедниками.

И как прежде во время его первых римских уз и во время второго свободного пребывания в Риме, ап. Павел нашел последователей Христу в кесаревом доме, и среди римских всадников и патрициев, так точно и теперь нашлись и в высшем римском обществе готовые принять христианство. – Св. И. Златоуст говорит нам об обращении ап. Павлом одной женщины, находившейся в близкой связи с императором Нероном.

Враждебность римских язычников к христианству

Собрания верующих для слушания бесед ап. Павла, а также для молитв и совершения евхаристической жертвы становились все многочисленнее и открытее. Но понятно также, что эти собрания, хотя и происходили большей частью по ночам, не могли остаться незамеченными для римских жителей и для римских властей. Особенно же обращала на себя общее внимание ревностная деятельность ап. Павла. Он всюду являлся во главе Христиан, первенствовал на их собраниях, руководил проповеднической деятельностью других миссионеров; его имя чаще других произносилось как имя человека, обратившего многих к новой религии. И та ненависть, против христиан почитателей какого-то невидимого Бога, которая скрыто всегда наполняла сердца невежественной римской черни, теперь грозила снова обнаружиться ко всей своей силе. Если уже ко времени римского пожара христианское общество успело обратить на себя внимание, как на совершенно отличное и самостоятельное; если и тогда было достаточно одного указания на христиан как на виновников пожара, чтобы возбудить против них жестокое преследование, то такое же точно настроение невежественного народа по отношению к христианам должно было быть и теперь. Разница была лишь в том, что по мере увеличения числа христиан, увеличивалось и число не расположенных к ним; а также и в том, что все более и более распространялось о них дурных слухов. Теперь им приписывались самые грубые и нелепые суеверия; христианская религия, во мнении толпы, обратилась в какую-то глупую оргию, с человеческими жертвами, с всеобщим развратом, с поклонением изображению распятого человека на кресте с ослиной головой. Невежественная толпа, не знавшая истинного христианства и верившая всем этим бессмысленным слухам, готова была обрушиться на него новым жестоким гонением на подобии гонения 64-го года. В Риме могло случиться то же самое, что случилось в последствии в

малоазийских городах. Там народные толпы, возбужденные жрецами, схватывали христиан, приводили их к городским римским властям, обвиняли в привержимости к различным суевериям противным народной религии, и требовали осуждения на смерть и за содержание этих суеверий, и за распространение их среди других жителей города. В Риме, конечно, такого своеволия народной толпы нельзя было ожидать; значение властей здесь было более сильно; потому же здесь было всегда много войск, которые и могли восстановить должный порядок. Притом и сама римская чернь была менее привержена к своей религии, менее фанатична и менее расположена по своему почину поднимать преследование за содержание религиозных убеждений и обрядов. Этого и совсем не могло случиться пока Нерон был в Риме, и пока он не хотел нового гонения против христиан. Его личное внимание, по выражению Тацита, было всецело поглощено той борьбой с добродетелью, которую он вел, умерщвляя и казня всех тех, которые казались ему выдающимися в том или другом хорошем отношении. Кроме того 67-й и 68-й годы были временем крайнего развития артистического безумствования императора Нерона. Вообразив себя певцом и артистом, он везде устраивал театральные зрелища и совершенно искренно и нетерпеливо ждал себе похвал и лавровых венков. Среди этих занятий и постоянных волнений ему решительно не когда было обратить внимание на христианскую религию, тем более, что он и вообще не обращал внимания на все другие религии и религиозные общества. Внимание же римской толпы и римских властей также в свою очередь было всецело поглощено теми зрелищами и торжественными празднествами, которыми потешал их император, и являться на которые должны были все без исключения.

При таком положении вещей, как под некоторым покровом, христианская церковь города Рима могла быстро возрастать и укрепляться. Ап. Павел, чем яснее сознавал выгоду такого положения вещей, тем ревностнее и неустаннее продолжал проповедовать евангельское благовестие. Он может быть начинал замечать, что его личность очень заметно выделяется

над всеми другими последователями Иисуса Христа; может быть даже ему приходилось встречать недружелюбные взгляды на него со стороны языческой толпы и особенно жрецов, которые, может быть, прямо грозили ему доносом. Но ничто из этого не могло смутить проповедника и остановить его деятельность. Он по-прежнему продолжал собирать собрания для бесед и совершения евхаристии, продолжал также являться по приглашению и в частные дома. Своих же последователей он неустанно увещевал твердо держаться христианских правил жизни и быть во всем подражателями Иисусу Христу и нести крест, кому какой назначен премудрым промыслом.

Тогдашние условия римской жизни

Совершенно изменилось положение вещей с половины 67-го года. Приблизительно около этого времени император Нерон предпринял путешествие по Греции. Те льстивые восхищения и те лавровые венки, которые он получал до сего времени в Риме и Италии как артист, музыкант и певец, казались ему недостаточными. Ему хотелось, чтобы и сама Греция, – эта родина артистов и художников и страна преимущественного расцвета всех искусств, признала за ним тоже самое достоинство, которое так льстиво выставлялось во всей Италии. И вот он вместе с Тигеллином отправился в города Греции. Он побывал почти во всех городах, присутствовала на всех зрелищах и вступал в состязания почти на всех играх.

В то время как Нерон проводил время в Греции, его отпущенники Гелий и Поликет самым жестоким и своевольным образом распоряжались в Риме. Ход римской жизни должен был значительно измениться. Прежде всего прекратилось бессмысленное праздное время провождение, причиной которого был Нерон, – его казни, театральные представления и цирковые зрелища. Сократились зрелища и меньше стало того, что предпринималось с нарочинной целью занять внимание толпы и привлечь ее симпатии на сторону Нерона и его любимцев. Народ, если он хотел зрелищ, должен был теперь сам искать их, сам заботиться о них. А так как это было не легко, то, понятно, что он чувствовал некоторого рода неудовлетворенность, своего рода скуку. Римские власти также теперь стали свободнее и имели время уделять внимание на текущие дела городской жизни. Этим-то положением обстоятельства, и настроением общества и властей и воспользовались враги христианства. Жрецы, а по их наущению и чернь, не зная куда девать свое свободное время, стали проявлять всевозможные враждебные манифестации против врагов своей религии. Нерешительные и безвредные вначале, они скоро обратились в кровавые драмы. Началось с частных

доносов и с отдельных смертных казней. Со стороны жрецов прежде всего было донесено на выдающихся проповедников христианства и между прочим на ап. Павла. Он вместе с другими должен был предстать на суд перед римской властью. Если бы он был простой римский поданный, то погиб бы как погибали многие другие или распинаемые на крестах или отдаваемые в цирках на растерзание зверьями. Так погиб год тому назад ап. Петр. Он был простой иудейский рыбак с Генисаретского озера, из ненавистной для римлянина, иудеи, а потому и был казнен позорной казнью, на которую обыкновенно осуждались рабы, – он был распят на кресте вниз головой, на Ватиканском холме. – Ап. Павлу, по доносу на него жрецов, грозила смертная казнь через растерзание зверьями в цирке. Думать так даст нам полное право то место из второго послания к Тимофею, где апостол извещает своего ученика, что он избавился из львиных челюстей (2Тим.4:17).

Суд над ап. Павлом в Риме

Схваченный и приведенный вместе с другими христианами к римским властям, ап. Павел по первоначальному и настойчивому требованию толпы предназначается во время предстоящих зрелищ быть растерзанным зверьми (может быть прямо – львом). Народ ждал зрелищ и вот нашлось средство удовлетворить его, отдавая христиан на растерзание зверями. Но римские власти, согласные с толпой во взгляде на христиан и на способ истребления их, однако как истинные римляне хотели оформить дело; и желали, чтобы и само уничтожение христианского общества было произведено на основании действующего закона. А так как у них против своеволия толпы были в распоряжении значительные войска, то они и настояли на своем желании. Для христиан, представленных римским властям было назначено судебное разбирательство. Конечно это разбирательство было бы очень непродолжительно, и народное желание видеть христиан растерзанymi в цирке было бы скоро удовлетворено. Но среди обвиняемых христиан, был ап. Павел, имевший право римского гражданства. Когда он заявил, что в его лице римские власти имеют дело не с простым подданным, а с римским гражданином, тогда ход судебного разбирательства должен был значительно измениться. Вместо прежней поспешности и небрежности в соблюдении формальных сторон судопроизводства теперь судебный процесс должен был быть обставлен и произведен законным порядком.

Формальному началу судебного процесса над ап. Павлом. предшествовало насилие, и соблюдение этих формальностей могло начаться только после его заявления о его римском гражданстве. Претор, к которому поступило дело апостола, согласно судебным правилам, потребовал, чтобы из многих обвинителей выступил лишь только кто-нибудь один. Этот представитель обвинителей, целой толпы народа, как религиозный фанатик обвинял ап. Павла в том, что он, будто, не только сам верит бессмысленным суевериям, но старается привлечь к этой вере и других римских жителей. Но так как этого

обвинения было недостаточно для присуждения смертной казни в свободомысленном Риме, то обвинитель ап. Павла выставил против него обвинение в оскорблении им римских божеств, государства и самого императора. Это было одно из самых страшных обвинений и, будучи достаточно доказано, оно неминуемо влекло за собой смертную казнь через распятие на кресте. Но пока это обвинение не было доказано, ап. Павел, как важный преступник был подвергнут тюремному заключению и отведен в оковах в одно из тюремных помещений находившихся при преторианском лагере. Здесь он должен был ожидать назначенного претором дня судебного разбирательства.

Сильное и вместе с тем безотрадное впечатление произвело на римских христиан тюремное заключение ап. Павла. Из их памяти еще не изгладились ужасы гонения 64-го года, памятна была им и печальная мученическая кончина ап. Петра, испустившего свой дух, висая на кресте вниз головой; некоторое время подобные этим случаи выражения вражды язычества к христианской религии не повторялись. Христиане было успокоились и без всяких особенных предосторожностей и опасений выполняли требования своей религии и не скрывали ее от глаз язычников. Они стали думать, что приобрели теперь право быть открытыми исповедниками и последователями имени И. Христа. Но случай с ап. Павлом и другими, вместе с ним взятыми, христианами, навел на них страх и наполнил их сердца тяжелым предчувствием.

Мало того, что они не ожидали, чтобы были освобождены схваченные вместе с ап. Павлом и избежали смертной казни, они и для себя ждали того же самого. Они ждали новых доносов, новых тюремных заключений для других членов своего общества и часто видели и слышали подтверждение своих тревожных ожиданий. Толпа, раз осмелившаяся схватить христиан, не остановилась на одном случае, но продолжала повторять это и еще несколько раз. Кроме того с ее стороны стали смелее высказываться насмешки и издевательства над христианами, чаще прерывались христианские молитвенные собрания; и собиравшееся для преломления хлеба в таинстве евхаристии всегда с опасением взглядывали на двери при

всяком незначительном шуме на улице города. Такое тревожное настроение не могло не отразиться самым удручающим образом на состоянии духа христианского общества. Нашлось среди христиан не мало таких, которые из-за страха прекратили на время общение с другими христианскими братьями; некоторые пошли далее и стали вместе с язычниками служить своим прежним богам; а те, которые были более твердыми в своих христианских убеждениях, прекратили свою проповедническую деятельность, направленную на приобретение новых последователей И. Христу. Все это конечно не осталось неизвестным ап. Павлу, и его душу наполнило горькое чувство сожаления о слабости человеческой воли в последовании добру и истине. Как видно из слов его послания (2Тим.4:16): «да не вменится им», – он прощал им их слабость, их неверность заветам Христа Спасителя, но прощал лишь потому, что привык всегда снисходить слабости человеческой природы, привык видеть в жизни много дурного и нежелательного. Он отнесся с всепрощающей любовью даже к поступку своего-ученика и сотрудника Димаса, возлюбившего, по его словам, нынешний век и отправившегося в Фессалонику, оставив в Риме своего учителя, заключенным в темничные узы, которые грозили кончиться смертной казнью (2Тим.4:10).

Тяжело было ап. Павлу узнавать о подобных поступках своих более близких последователей, но он не думал высказывать какое-либо раздражение по этому поводу. Он заботился о том, чтобы, оставаясь наружно спокойным, поддержать бодрость духа и в других, утешить их обещанием божественной помощи и ободрить надеждой на всеблагой и премудрый промысел Божий. Он был рад тем людям, которые не стыдятся и не страшась его уз, приходили к нему в его темничное заключение. Они сообщали ему о состоянии христианского общества, а он через них старался воздействовать и воздействовал на это последнее, поручая передавать ему свои наставительные и утешительные беседы. Особенно же утешительно ему было прибытие в Рим и к нему в темницу Онисифора. Этот Онисифор, узнавши в своей далекой Иконии о пребывании ап. Павла в Риме, прибыл сюда, чтобы

насладиться его лицезрением, получить назидание от его бесед и оказать ему материальную поддержку в его теперешних обстоятельствах. Прибыв в Рим и узнав, что апостол в узах, он употребил все усилия (2Тим.1:17), чтобы найти апостола среди других узников, чтобы пройти к нему в его заключение и передать ему, что принес с собой, и в чем особенно нуждался узник. «Да даст ему, писал об этом сам ап. Павел, да даст ему Господь обрести милость у Бога в оный день» (2Тим.1:18). Но недолго прожил Онисифор в Риме; его жизненные обстоятельства заставили его снова оставить столицу и возвратиться на родину. По удалении Онисифора около апостола снова водворилась тьма и уныние.

Впрочем это томительное неизвестное состояние ап. Павла, после выезда Онисифора, продолжалось недолго. Наступил день, назначенный претором для разбора его дела. В этот день рано утром апостола вывели из тюремного заключения и под конвоем стражи привели на Марсово поле, где еще со времени Юлия Цезаря была приспособлена особая судебная площадь. Здесь и должно было произойти судьбище, как обыкновенно, публично и устно. Пред занявшими свои места судьями выступил обвинитель ап. Павла. он держал пред ними речь, в которой раскрывал свои обвинительные пункты. Апостол молча слушал возводимые на него обвинения, как он некогда слушал Тертулла, обвинявшего его пред иудейским проконсулом Феликсом в Кесарии (Деян.24:1–8). В своем уме апостол готовил ответы на все пункты обвинительной речи, при этом памятуя и об обещании Спасителя: «не заботьтесь о том, что вам сказать; Дух Святой научил вас в тот час что вам нужно говорить».

Наступила очередь говорить и ап. Павлу. В своей речи ему нужно было не только раскрыть кто он – обвиняемый, но и то, – что для него было гораздо важнее, – какова та вина, за которую его привлекли на суд к этим почтенным римским судьям. –«Он иудей, сын того племени, которое теперь (67–68-е гг.) так отчаянно взялось за оружие, чтобы свергнуть с себя римское иго. Но лично он нисколько не стоит за дело своих единоплеменников. Как римский гражданин он уважает римлян

и римское правительство и всегда готов исполнять Римские законы. Неправда, будто он оскорбляет честь римских богов; неправда и то, что будто он враг римского государства и его устройства. Если он и собирал христианские собрания и часто председательствовал на них, то эти собрания не имели ничего противозаконного и преступного. Их цель – вознести молитву Господу, совершить вечерю любви в воспоминание такой же вечери, которую совершил некогда чтимый ими И. Христос, Сын Божий, сошедший с небес и воплотившийся для спасения человеческого рода, и умерший на кресте, пригвожденный к нему по приказанию Пилата в удовлетворение беспричинной злобы иудейских первосвященников. Вот, последуя учению и заповедям сего распятого Сына Божия, мы, христиане, и живем среди вас, почитателей Юпитера и Юноны, и желаем одного и об одном молимся, чтобы проводить свою жизнь в исполнении заповедей Господних в мире и спокойствии совести. Если же нас и в частности меня обвиняют в оскорблении императорского величества, то это простое недоразумение. Говорят, что мы не хотим признавать императора, и в доказательство этого указывают на то, что мы не присутствуем ни при жертвоприношениях в честь императора, ни при жертвоприношениях пред изображениями умерших римских правителей. Но, достопочтенные судьи, в то время как вы и другие идете в ваши храмы и там пред вашими богами молитесь о своем императоре, мы, христиане, спешим на свои молитвенные собрания, и здесь с полной искренностью просим у нашего Господа Бога всякого блага тому, кто поставлен им над нами, дабы управлять нашими земными делами. Что же касается того, что мы действительно не совершаем курения пред изображениями ваших умерших императоров и не приносим жертв, то это делается нами не по мятежному чувству, а единственно из послушания законам нашей христианской веры, которая повелевает поклоняться в духе и истине только одному Господу, творцу неба и земли». – Сказав это, апостол закончил свою речь обращением к справедливости и беспристрастию судей.

После этого было приступлено к рассмотрению доказательств, в числе которых первое место имели свидетельские показания. Когда свидетельские показания обвиняющей стороны были выслушаны, тогда претор и судьи снова обратились к ап. Павлу, предоставляя и ему выставить свидетелей в защиту своих показаний. Но ап. Павел свидетелей не имел. Хотя и право было его дело, хотя и многие знали, что он не заслуживает обвинения и наказания однако никто не выступил пред судьями подтвердить то, о чем долго и воодушевленно говорил великий проповедник. После он сам с горечью писал об этом св. Тимофею: «при первом моем ответе никого не было со мной, но все меня оставили» (2Тим.4:16). – Среди христиан Рима из многих последователей ап. Павла не нашлось ни одного, который бы заявился на судебную площадь и публично бы засвидетельствовал достоверность показаний апостола. – Что это значить, – где причина такой оставленности апостола? Ужели в одном том, что страх пред римским судом и опасение самим попасть в то же самое положение, в котором теперь томился ап. Павел, удержали римских христиан и даже евангелиста и деяписателя Луку выступить на защиту святого дела? – Трудно верится такому малодушию первых христиан, но это было отчасти в действительности, хотя, конечно, главное здесь было общее смирение христиан, их готовность на страдания и их сознание бесполезности устной защиты пред языческим фанатизмом. И сам апостол не находит достаточного извиняющего обстоятельства их равнодушию к его судьбе и, покрывая их своей всепрощающей любовью, желает, чтобы им не было вменено это их малодушие в вину и осуждение ни пред судом человеческим ни пред судом Божиим: «да не вменится им», – пишет он своему доверенному другу, св. Тимофею (2Тим.4:16).

Оставленность апостола показалась странной и непонятной даже самим римским судьям; и это тем более, что, по их мнению, дело его вовсе не так безнадежно, чтобы было опасно выступить его защитником. В их памяти было еще свежо впечатление от боговдохновенной речи апостола, их сердца еще не остыли от того жара умиления, которое было

возбуждено в них его трогательно-величественной проповедью о Христе, Спасителе всех людей. И вот, под влиянием этого впечатления претор и судьи решили, что постановлять окончательный приговор по делу апостола преждевременно, и объявили перерыв судебного процесса, назначив день для второго разбирательства.

Перерыв судопроизводства над ап. Павлом

Остановившись на таком решении судьи думали, что они руководятся лишь простым беспристрастием и требованием справедливости. Но иначе посмотрел на это сам ап. Павел. Он писал св. Тимофею: «Господь предстал мне и укрепил меня, дабы через меня утвердилось благовестие и услышали язычники; и я избавился из львиных челюстей» (2Тим.4:17). – Первый акт судебного процесса кончился так благополучно для ап. Павла не по человеческому рассуждению судей, а исключительно по вмешательству в это дело промысла Божия. Господу Богу было угодно, чтобы проповедническая деятельность ап. Павла не прекратилась сейчас же после первого судебного разбирательства. Нужно было, чтобы через апостола утвердилось благовестие; чтобы сами узы апостола свидетельствовали о его проповеднической деятельности, чтобы язычники, собиравшиеся в Рим со всех сторон обширной римской империи, еще раз слышали здесь торжественное исповедание веры Христовой ап. Павлом пред избранными судьями при торжественной обстановке. Ради этой-то цели и избавлялся апостол от «львиных челюстей». И, в то время, как другие христиане, схваченные вместе с ним, были отведены в цирк и здесь отданы на растерзание зверям, ап. Павел по решению судей, в виду его римского гражданства, был оставлен в живых и отведен в тюрьму на дальнейшее заключение.

Снова прибыл апостол в свое прежнее тюремное помещение и для него снова потекли бесконечно долгие вследствие однообразия и бездеятельности дни; только одна молитва и размышления были в распоряжении апостола как средства сокращения времени. Посещения его христианами, редкие прежде, теперь сделались еще реже. С одной стороны еще более усилился их страх после того как некоторые из них были отданы на растерзание зверям, с другой – и стража, приставленная к апостолу, стала несравненно строже и

суровее. Она увидела, что ап. Павел принадлежал к числу тех людей, которые и по суду достойны всевозможных казней. Основываясь на этом, она сделалась грубее в обращении с самим узником и всячески стесняла приходивших навестить его. Он был в ее глазах не простым религиозным проповедником, но злодеем (2Тим.2:9), преступником против государственной религии, государственного устройства и даже против самого государя. Так что нужно было относиться строго не только к нему, но и ко всем тем, которые приходили к нему, ибо и они принадлежали к преступному обществу, к числу опасных людей. И вот ап. Павел одиноко проводит свое время в мрачном и холодном тюремном заключении. Лишь св. Лука изредка навещает его, приходя к нему с вестями о римском христианском обществе, принося нужное для него и подарки для стражи и облегчая, как врач, его постоянные недуги.

Повод написания второго послания к Тимофею

Но для ап. Павла этого было слишком мало. Ему было слишком горько, что римское христианское общество относится к нему так холодно; он ждал проявления любви более горячей и выражения преданности, доходящей до пожертвования. Мысленно он чаще и чаще стал переноситься на восток, к восточным церквям, основанным им. Положим он испытал там немало огорчений, преследований и даже побоев, но там же он наслаждался общением с самыми дорогими ему и любящими людьми. Вспомнились ему радушные филиппийцы, вспомнились и гостеприимные жители Троады. У Карпа, жителя этого города он оставил свою фелонь и разные книги. Он намеревался тогда скоро возвратиться и взять их; но промысел Божий судил другое. Он сидит заключенным в римскую тюрьму и не только не может придти за этими вещами, но даже не имеет возможности свободно двигаться по своему тесному заключению. Между тем его фелонь была бы теперь для него весьма полезна; она защитила бы его от тюремной сырости и от холодного осеннего воздуха (2Тим.4:21). А книги были еще дороже для одиночного узника. Конечно книги Св. Писания мог бы принести ему и Лука, взяв у кого-нибудь из римских христиан, но лучше пользоваться своими собственными; – тем более, что среди оставленных им в Троаде были вероятно и настолько редкие, что их нельзя было достать у римских христиан (2Тим.4:13).

Но кто доставить ему их из столь отдаленного места, кого послать за ними? – Около него оставался лишь один Лука без которого нельзя было обойтись самому апостолу. Верный и деятельный Тит, оставив опасный для христианских проповедников Рим, пошел с проповедью евангелия к народам Далматии; Крискент давно уже был в Галатии (2Тим.4:10). А между тем апостол знал, что там, на востоке, у него есть верный и преданный друг, который если бы узнал, что его

учитель в чем-нибудь нуждается, постарался-бы как можно скорее удовлетворить этой нужде.

Это был св. Тимофей, который плакал, когда апостол отсылал его от себя в Ефес, который давно, особенно после получения первого апостольского послания, ждал к себе его самого, но который теперь находился в неизвестности относительно его положения. Его-то и решил ап. Павел уведомить о своей судьбе, о своей нужде и о своем желании видеть его около себя, как преданного друга. Он пишет ему второе послание, а Лука отправляет это послание с одним из христиан, отправляющихся на восток.

Все послание отличается задушевностью и трогательностью. Оно есть как-бы некоторое завещание отца, предвидящего свою скорую кончину и желающего высказаться пред своим сыном. Ап. Павел пишет это послание «как апостол И. Христа, как отец для Тимофея, – пишет возлюбленному сыну, который всегда вспоминался ему, о котором он молился в своих ежедневных молитвах и которого он, особенно теперь, желал бы видеть около себя. Он нужен ему, ибо печально его настоящее положение, и не на ком остановиться его сердцу с радостью и не с кем вести утешительную беседу. Он, Тимофей, несомненно не так как другие, не стыдится уз апостола, ибо хорошо знает, что эти узы и эти страдания достались ему за его ревностное исполнение заповеди Господа, который послал его проповедовать языческим народам (2Тим.1:15–18). А положение апостола-узника действительно таково, что иных может испугать и оттолкнуть, а в других, как и в нем, Тимофее, возбудить глубокое сострадание и подвигнет к деятельному и любящему уходу за ним, за его страданиями и болезнями. Апостол теперь становится жертвой, и время его отшествия (смерти) уже настало. Во всю жизнь он подвизался подвигом добрым; он ревностно выполнял то, что ему было заповедано от Господа, призвавшего его к проповедничеству (2Тим.4:6–7). В этом возвышенном сознании святости своего дела апостол прозирает вдаль и видит себя, а равно и других подобных ему тружеников, уже награжденными от Господа, праведного Судии, уготовавшего венец правды всем возлюбившим Его явление

(2Тим.4:8). Но так как и при этой утешительной надежде на будущую награду душа апостола все-таки скорбит, и его тело немощное страдает, то он просит своего возлюбленного сына-ученика, Тимофея, придти к нему в Рим, придти как можно скорее, если возможно то к этой зиме, потому что ему самому неизвестно, что будет после. Хотя Господь избавил его из львиных челюстей, но этим самым однако не уничтожил возможности мученической кончины, а лишь отодвинул ее на несколько времени далее. Апостол надеется, что Господь избавит его и на будущее время от всякого зла, от дурного поступка, через который он оказался бы неверным рабом своего Господина, но соблюдет его достойным Своего небесного царства (2Тим.4:18). Но на долгое продолжение этой земной жизни он уже не надеется: время отшествия его настало (2Тим.4:6).

Прибытие в Рим св. Тимофея

Лишь только св. Тимофей получил это сердечное апостольское послание, как сейчас же поспешил выполнить все, о чем просил его узник-учитель. Прочитав апостольское послание пред ефесскими христианами и дав им временные наставления, он быстро пустился в путь, в Рим. Вместе с Марком, который был при Тимофее в Ефесе, он зашел сначала в Троаду, взял здесь у Карпа апостольскую фелонь и кожаные книги и на одном из торговых кораблей направился в Италию. Апостола Павла он нашел в самом печальном положении. Тюремное заключение длилось уже давно; оно окончательно измучило и без того слабого телом старца – узника. Обращение с ним стражи становилось суровее и грубее по мере того как ей более и более надоедало наблюдать за одним и тем-же неинтересным узником, и по мере того, как денежные подарки со стороны римских христиан, истощаясь, становились меньше и реже. Поэтому прибытие в Рим св. Тимофея было в высшей степени утешительно для ап. Павла. По крайней мере он теперь имел при себе дорогого собеседника, пред которым мог изливать и свои душевные скорби и сердечные радости. Он скорбел пред Тимофеем о холодности римского христианского общества, о тех, которые возлюбили более нынешний век, чем дело христианской проповеди и жизнь по вере и любви. Но он и радовался, слушая его рассказы об успехах христианской проповеди на востоке, о добрых христианских подвижниках, о постепенном нравственно-христианском совершенствовании ефесского общества, слушал о том впечатлении, которое произвело на ефесян его последнее послание из Рима.

Через Тимофея ап. Павел старался воздействовать несколько на упавший дух римских христиан, укрепить, ободрить и утешить колеблющихся в вере и внушить им твердо держаться того, что они приняли от ап. Петра и Павла. Но недолго мог служить Тимофей при ап. Павле, недолго, сравнительно, он навещал его в темнице и читал с ним его кожаные книги. Он оставил ефесское общество только лишь на

короткое время. Апостол через него знал, что религиозно-нравственное состояние ефесян не особенно надежно; там было много «инакоучащих», а в будущем их предвиделось еще более. Необходимо, таким образом, чтобы там в Ефессе был всегда на страже опытный и верный служитель Христовой истины, необходимо, чтобы Тимофей возвратился туда и остался там навсегда. Ап. Павел, который прежде сам послал того же Тимофея в Ефесс, не смотря на его слезы, отослал его и теперь из Рима лишь только успел утешиться его прибытием, получением через него нужных вещей, его известиями и общением с ним. – Окончательно простившись с ним и получив от него последние наставления и последнее благословение, Тимофей оставил ап. Павла, навсегда удалившись из Рима: как апостол так и Тимофей твердо верили, что им не придется встретиться на земле, – эта встреча возможна только на небе – в царстве воскресшего и вознесшегося Господа И. Христа.

Осуждение ап. Павла на казнь

Действительно предчувствие ап. Павла и Тимофея не обмануло их. Все предвещало апостолу скорый конец и его судебному процессу и его земной жизни. – Гелий и Поликлет, управлявшие Римом во время отсутствия императора Нерона, запустившие много дел, преследуя свои личные интересы, теперь готовились отдать свою власть имеющему вскоре прибыть в Италию императору. Им важно было, чтобы к этому его возвращению римское управление и судопроизводство не представляло ни упущений, ни нерешенных дел, ни не разобранных жалоб. К числу таких принадлежало и дело ап. Павла. Жалоба на него была подана уже давно, и его обвинители с нетерпением ждали, чтобы назначен был день вторичного судебного разбирательства. А так как, кроме того, они особенно настаивали на обвинении ап. Павла в оскорблении величества, то Гелию и Поликлету нужно было скорее отделаться от этого судебного процесса. Иначе обвинители могли жаловаться самому императору и Гелий и Поликлет оказались-бы виновными за мнимое покровительство личному врагу императора. Но это было более чем нежелательно для них. Потому они, получив жалобу обвинителей Павла на медленность судопроизводства, взяли это дело на собственное усмотрение.

Гелий и Поликлет, отличавшиеся по свидетельству историков жестокостью и презрением к правосудию и справедливости, отдали приказание казнить ап. Павла без всякого предварительного судопроизводства; а свое внимание к его римскому гражданству выразили в назначении ему смертной казни через усечение мечом, а не через распятие или растерзание зверьми. – 29 июня 68 г., Гелием и Поликлетом было отдано приказание префектам Мегисту и Лонгику и центуриону Ацесту отвести ап. Павла на остийскую дорогу и там обезглавить его, – так повествуют об этом, так называемые «Акты Павла». Воины вывели узника из преторианской тюрьмы, в которой так долго пришлось пробыть ему. В продолжении

длинного пути около апостола, шедшего в сопровождении значительной стражи воинов, собралась большая толпа любопытных, которые шли из-за предстоящего зрелища смертной казни, нисколько не интересуясь ни самим ап. Павлом, ни тем делом, за которое его влекли на казнь. Но были здесь и христиане, которые шли по сочувствию к ап. Павлу. К числу таких принадлежала одна женщина Плавтилия, у которой ап. Павел просил себе платок, чтобы закрыть им себе глаза пред своей казнью. Видя вокруг себя большую толпу народа, а среди нее некоторых знакомых христиан, и считая это время весьма удобным для преподания наставления христианам и для произведения глубокого впечатления на сердца язычников, ап. Павел начал возвышенную боговдохновенную проповедь о распятом и воскресшем Господе. Он говорил о царстве Христовом, о царстве небесном, говорил о воскресении мертвых и о суде над всеми людьми. Эта проповедь была произнесена с таким воодушевлением и силой, что многие из толпы уверовали в И. Христа и предлагали апостолу вырвать его из рук стражи и дать возможность спастись бегством. Но апостол не согласился на это предложение. Он знал, что теперь именно настал час его смерти, и, зная, радовался. Он говорил провожавшим его начальникам, что он не убежит уже по одному тому, что считает себя честным воином своего Господа, и надеется получить от Него венец за свою верность ему до конца.

Между тем не получая долго известия о совершившейся казни, управители, Гелий и Поликет, послали, воинов, Парасния и Ферита, узнать, что за причина такого замедления. Эти пришли и потребовали от сопровождавшей апостола стражи поспешить исполнением приказания. Тогда, остановившийся было во время своей проповеди апостол должен был тронуться далее и уже несколько скорее пройти остальной путь. Достигши назначенного места казни, ап. Павел обратился лицом к востоку, произнес по-еврейски молитву, благословил толпившихся около него христиан, завязал и глаза платком Плавтилии, преклонил колена и подставил голову под меч. Палач обезглавил его. Голова, отделенная от туловища,

произнесла еще довольно ясно имя И. Христа, а из перерубленной шеи, по свидетельству И. Златоуста, Амвросия и «Актос Павла», потекла сначала молочная струя, а потом и кровь. Когда хотели снять с глаз апостола повязку, то она внезапно исчезла; и после ее видели у той же Плавтилии, которая уверяла, что сам апостол, явившись ей в сопровождении ангелов, возвратил ей ее платок. – Так рассказывают нам «Акты Павла» о последних минутах жизни св. ап. Павла.

Последующее церковное предание также подтверждает факт обезглавления апостола на остийской дороге. Церковный писатель Кай, живший при римском епископе Зефирине, говорил: «я могу показать тебе трофеи апостолов, – приди только на Остийскую дорогу» (Истор. Евс. 2, 25). Впоследствии место казни ап. Павла стало называться «водами спасения», так как многие получали здесь исцеления недугов; а иногда называлось «тремя источниками», каковое название произошло, как говорят, вследствие того, что эти источники возникли из троекратного скачка отрубленной головы ап. Павла.

Реликвии ап. Павла

Останки казненного ап. Павла, по свидетельству Свящ. Преданий, присутствовавшими при казни христианами были перенесены в один из рвов, которые тянулись по сторонам Остийской дороги. Здесь в песчаном грунте было выкопано ими небольшое углубление, и в него было положено тело ап. Павла, – может быть с намерением, по успокоении народного возбуждения по поводу казни, перенести в более безопасное и почетное место. Узнав о казни апостола, с востока пришли какие-то неизвестные люди. Они намеревались взять останки ап. Павла и перенести их на восток, как его родину. Но в то время, как они, пользуясь ночным временем, принялись за выполнение своего намерения, разразилась страшная гроза. Треск грома и блеск молнии разбудил некоторых христиан, живших недалеко от места временного погребения останков апостола; они увидали людей, что-то копавших, и по их спешному бегству догадались о их замысле. Поэтому было решено перенести св. останки апостола в катакомбы и таким образом обезопасить их на будущее время от похищения. Эти катакомбы, в которых покоились и останки ап. Петра, находились между Остийской и Аппиевой дорогами, где над ними впоследствии была выстроена базилика Себастиана. Папа Корнилий (252 г.) по просьбе одной уважаемой женщины разрешил вынести тела обоих апостолов из катакомб. Тело ап. Павла было взято блаж. Луцианной и положено в ее имении при Остийской дороге, недалеко от того места, где он был обезглавлен. В 315-м году Константин великий по просьбе папы Сильвестра для останков ап. Павла построил особую базилику.